

Ценности философии права: контексты переосмысления

УДК 321:342

Виктор Николаевич Руденко
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: rudenkovn@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1802-2198
SPIN-код: 2836-8813

С.С. Алексеев: от философии права к Конституции Человека

Аннотация. Статья посвящена философским взглядам Сергея Сергеевича Алексеева – выдающегося российского правоведа и организатора науки. В ней сделан акцент на проблематике свободы, основанной на законе. В достижении этой свободы мыслитель видел предназначение права. В статье раскрываются ключевые философские взгляды и идеи С.С. Алексеева, обусловившие его концепцию общего права и видение проблем конституционализма в России. Во-первых, он один из первых в мире и первый в отечественной науке глубоко и системно проанализировал взгляды И. Канта по вопросам права и доказал наличие целостной кантовской правовой доктрины. Во-вторых, в развитие кантовских идей С.С. Алексеев показал и обосновал ценность права в современном обществе. Для этого он глубоко переосмыслил и, по существу, вновь ввел в научный оборот категории «чистое право» и «право человека». В-третьих, С.С. Алексеев обосновал и развил либералистский подход к праву. Этот подход проявляется в идее права человека как объективного права, в разрешительном характере самого права, в необходимости развития правового общества. В статье также показана органическая связь философских идей С.С. Алексеева и его представлений о конституционном процессе. В связи

с этим раскрывается содержание сформулированной С.С. Алексеевым концепции Конституции Человека.

Ключевые слова: свобода, предназначение права, право человека, кантовская правовая доктрина, Конституция Человека

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Сергей Сергеевич Алексеев является великим отечественным юристом второй половины XX – начала XXI столетий. Но его по праву можно считать и выдающимся философом права. Вполне закономерно, что именно он выступил директором-организатором Института философии и права Уральского отделения Академии наук СССР (ныне Уральского отделения РАН). На теоретических семинарах института любые проблемы юриспруденции обсуждались с активным участием философов (Казанцев, Руденко 2024: 20-21).

Большинство правовых теоретических произведений С.С. Алексеева имеет серьезное философское обоснование. Философский фундамент присущ как общей теории права, так и отдельным теоретическим трудам по проблемам общих дозволений и общих запретов, вопросам государства и права, основам конституционного строя, работам общемировоззренческого характера.

Философские взгляды С.С. Алексеева претерпели существенную эволюцию с конца 1980-х до конца 1990-х гг. Это была эволюция от классических марксистских философских представлений, согласно которым экономический базис общества определяет надстройку, составными частями которой является государство и право в их классовом понимании, к более общим и глубинным воззрениям на происхождение и сущность права, базирующимся на наследии немецкой классической философии, прежде всего на трудах Иммануила Канта¹. В постсовет-

¹ К наиболее известным философским работам С.С. Алексеева следует отнести: Самое святое, что есть у Бога на земле : Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху / С.С. Алексеев. Москва :

ский период научного творчества ученый обратился к общим проблемам бытия человека и наличия разума во вселенной.

Само собой разумеется, что философское осмысление действительности у С.С. Алексеева самым тесным образом связано с проблемами права. Преодолевая марксистскую догматическую парадигму «базиса и надстройки», С.С. Алексеев в своем наиболее философском, на наш взгляд, произведении «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху»² стремится обнаружить основания права в противоречивом человеческом разуме и человеческой свободе. Вслед за И. Кантом он показывает, что человек – единственное разумное существо, способное действовать свободно. Но история свободы как дело рук человеческих начинается со зла из-за злоупотребления собственным разумом. Человеческое своеволие ведет к величайшей свободе, а значит к постоянному антагонизму между всеми членами общества. Наиболее отвратительными чертами этого антагонизма являются неблагодарность, зависть, злорадство (Алексеев 1998: 37-44), ведущие к насилию и незаконности. По существу, С.С. Алексеев солидаризируется здесь с Кантом в том, что величайшая свобода есть атрибут общества и она должна наличествовать в нем. Но с оговоркой – наличествовать при определении и сохранении границ этой свободы, сопряженной со свободой других (Алексеев 1998: 44). В таком случае право есть антитеза насилию, антитеза всеразрушающему праву силы. Причем, как это ни парадоксально, право есть безальтернативная антитеза. Образным выражением данного парадокса выступает гипотетическая ситуация, когда весь народ состоял бы из дьяволов:

Норма, 1998. 410 с.; Философия права // Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том] / С.С. Алексеев. Москва : Статут, 2010. Т. 7. С. 9–320; Вселенная и человек. Попытка понимания (фрагменты) // Там же. Т. 9. С. 260–267; Отдельные философские заметки // Там же. Т. 9. С. 268–278; Восхождение к праву : Поиски и решения // Там же. Т. 6. С. 8–553; Два имени // Там же. Т. 9. С. 8–22.

² «Самое святое, что есть у Бога на земле» – самое значимое философское произведение С.С. Алексеева. Именно в нем он наиболее ярко проявился как философ. Эта книга вышла в 1998 г. Через 15 лет издана повторно. Вошла в том 5 Собрания сочинений. Иммануил Кант – любимый философ Сергея Сергеевича. И связанную с Кантом книгу он считал своим любимым научным детищем.

стремление к самосохранению влечет необходимость верховной власти права (Алексеев 1998: 44).

Таким образом объективная логика развития человеческого общества подводит его к правовому состоянию и неизбежности права, главными функциями и назначением которого в восходящем развитии человеческого рода является «определение и сохранение границ» свободы (Алексеев 1998: 46). Назначение права в кантовском его понимании, которое импонирует С.С. Алексееву, состоит в том, чтобы «определить каждому свое и оградить его от посягательств каждого другого, когда центром правового регулирования становится определяемое правом и защищаемое законом свое» (Алексеев 1998: 47). Свобода, основанная на законе – вот в чем смысл и предназначение права. Эти фундаментальные кантовские идеи выражают суть философских исканий и, в конечном итоге, мировоззренческих взглядов самого Сергея Сергеевича. И в данном случае необходимо отметить следующие заслуги С.С. Алексеева в области философии.

Во-первых, он первый в отечественной науке глубоко и системно проанализировал взгляды И. Канта по вопросам права и показал, что философия права Канта является одним из неотъемлемых и определяющих элементов органической системы философских воззрений немецкого мыслителя, несколько не уступающим этической проблематике. Одновременно наряду с немногими исследователями в мире С.С. Алексеев выявил и обосновал наличие кантовской правовой доктрины. Ко времени написания книги «Самое святое, что есть у Бога на земле...» созвучные идеи получили обоснование в работах К. Риттера (Ritter 1971), Г. Штольца (Stolz 1972), Ф. Каульбаха (Kaulbach 1982), В. Буша (Busch 1979), Б. Людвига (Ludwig 1988), В. Керстинга (Kersting 1984) (Аронсон 2015: 7). Но было немало противников данного подхода. Примечательно, что и в наши дни теоретические доводы в пользу наличия рафинированной концепции права И. Канта, лежащей в основе моральных и других законов общества, остаются малоизученными в обширной кантовской литературе. В силу чего новые книги по теме могут восприниматься как первопроходческие³.

³ Так, в одном из комментариев к книге Эрика Воткинса «Кант о законах» утверждается, что данная книга является первым моногра-

Между тем С.С. Алексеев приводит веские аргументы в пользу наличия кантовской философии права и ее значения для современной эпохи. Кратко охарактеризовав критический метод философа, выработанный в ходе известного «коперниковского переворота» в философии, произошедшего в конце XVIII столетия, С.С. Алексеев опровергает тезис об отсутствии, неосновательности или размытости по иным сюжетным линиям фундаментальных философских представлений Кеннберга мыслителя по правовой проблематике. Вопреки бытующим в философской среде подобного рода оценкам, характеризующим высказывания Канта по правовым вопросам как попутные, С.С. Алексеев обосновывает прямо противоположную посылку, а именно приводит доводы в пользу того, что философия права стала исходной точкой для последующего написания кантовской «Критики чистого разума» и других его ставших классическими произведений. При этом немецкий философ проявляет себя как знаток тонкостей юридической терминологии и римского права. Не воплощенная в специальном обобщающем труде философия права Канта не только латентно присутствует в трех его «Критиках», но, как показывает С.С. Алексеев, представлена в явном виде в целой серии специальных работ. Им основательно охарактеризованы эти труды Канта через три временных и содержательных слоя (Алексеев 1998: 28-30), что представляет большой интерес для читателя. Как резюмирует С.С. Алексеев, в статьях и трактатах Канта «содержится разработанная цельная философская концепция права, в которой реализовались его представления о мироздании, разуме, истории и перспективах развития человеческого рода, идеалы либеральной цивилизации...» (Алексеев 1998: 30). Недооцененная и не осмысленная в достаточной мере до настоящего времени правовая составляющая кантовской философии приобретает огромное значение для развития современного общества, в котором ценность права является приоритетом.

Во-вторых, в развитие кантовских идей С.С. Алексеев показал и обосновал ценность права в обществе и, особенно,

фическим исследованием, полностью посвященным кантовской теории права в целом (Абаси 2020).

на современном этапе его развития. Для этого он глубоко переосмыслили, по существу, вновь ввел в научный оборот категории «чистое право» и «право человека». «Чистое право» С.С. Алексеев рассматривает в качестве содержания права, важнейшего продукта чистого разума и высшего выражения духовной культуры. «В реальной, практической жизни людей, общества существует только один институт, который в сфере регулирования (управления) способен... сделать разум соответствующим самым высоким показателям, т.е. чистым. Это – право...» (Алексеев 1998: 177-178). Таким образом, данная категория представляет своего рода священный идеальный образ, который должен стать образцом для практического действия, для воплощения фундаментальных принципов права в развитии общества. «Право человека» («право людей») является, по Алексееву, взаимосвязанной с «чистым правом» категорией, характеризующей право в гражданском обществе наряду с такими институциональными образованиями, как государство, религиозные институты, объективированные формы духовной жизни, науки, искусства. «Право человека», иными словами – явление объективного права, связанного с законом и правосознанием, существующее в качестве институционального образования, центрированного на общественной ценности человека и обеспечивающего его свободу (Алексеев 1998: 82, 211-221).

В-третьих, и здесь мы подошли к главному: в философских трудах С.С. Алексеева рефреном звучит основная идея – в праве доминирующее значение имеет феномен свободы (Алексеев 1998: 218). Право – это обитель свободы (Алексеев 1998: 54), оно – регулятор границ свободы людей, соотношенной со свободой всех «других» (Алексеев 1998: 129). Последовательно проводя эту философскую идею, С.С. Алексеев признает в Канте мыслителя, давшего наиболее глубокое философское обоснование современному либерализму (Алексеев 1998: 110). С либерализмом и идеей свободы сам Сергей Сергеевич связывает перспективы развития современного общества – демократического и правового. На многих страницах своих произведений он акцентирует внимание на «современных либеральных цивилизациях» (Алексеев 1998: 78-79, 112), «цивилизационно-либеральном развитии» (Алексеев 1998: 178), а современный исторический этап развития общества характеризует в каче-

стве «либеральной эпохи в жизни людей» или «эпохи либеральной цивилизации» (Алексеев 1998: 184, 215-217, 220, 240, 257, 331)⁴. С.С. Алексеев ярко характеризует современную эпоху как эпоху либеральных цивилизаций в параграфе 2 «Почему Кант?» главы 1 своего труда «Самое святое, что есть у Бога на земле...». Отвечая на сформулированный им вопрос «Почему Кант?», автор произведения очерчивает особенности времени жизни И. Канта и дает характеристику новой эпохи, в которую человечество вступило после французской революции. Тем самым философия права Канта анализируется С.С. Алексеевым не столько в контексте немецкой классической философии, сколько в глобальном эпохальном европейском и мировом ее значении. С.С. Алексеев показывает значимость идей Канта для прошлой и современной либерально-ориентированной мысли. В отношении права она проявляется в идее права человека как объективного права, в разрешительном характере самого права, в необходимости развития правового общества.

В этой связи философские интересы ученого концентрируются на проблемах правового состояния общества – он размышляет о грядущем «всеобщем правовом обществе» на уровне мирового сообщества (Алексеев 1998: 259-263). Большое внимание уделяется вопросам культуры свободы, возвышения правового статуса гражданина посредством постепенного перехода от правового обеспечения его субъективных прав к всеобъемлющему объективному праву человека (Алексеев 1998: 253-258). Выработанная философская методология реализуется им и при разработке сугубо юридической тематики: не случайно он уделяет большое внимание вопросам договорного права, проблематике дозволистского правового регулирования. Примечательно, что дозволистское право он считает одним из признаков либеральных цивилизаций и именует его правом современного гражданского общества (Алексеев 1998: 240)⁵.

⁴ Об этом же С.С. Алексеев многократно упоминает в своей фундаментальной работе «Восхождение к праву», в других книгах и статьях.

⁵ Созвучные идеи были выражены С.С. Алексеевым и ранее, в 1989 году: общедозволистский порядок «является прямым и органичным выражением ныне расширяющейся глубокой социальной свободы, воплощающегося в ней на новом уровне общечеловеческого и общедозволистского начала» (Алексеев 1989: 132).

В настоящее время либерализм, неолиберализм и последователи либеральной политики в нашей стране часто подвергаются критике. В либерализме усматривают причину неудач в социальной и экономической сферах общества. Представляется все же, что либеральные идеи ничем себя не дискредитировали. Зачастую порочна практика реализации этих идей, фундированная на субъективной их интерпретации, на что, кстати, обращал внимание и сам С.С. Алексеев. Он отмечал, что либеральные ценности, представления о них понесли в нашем Отечестве потери. «Самая существенная и горестная из таких потерь – *утрата в представлениях людей приоритетного значения главной, исходной категории свободы – права и ответственности человека с а м о м у решать свои дела и свою судьбу*» (Алексеев 1998: 351). Более того, свободная активность человека получила уродливое выражение – вылилась в стремление к обогащению любой ценой, а в сфере государственного строительства нашла воплощение в номенклатурно-клановой системе отношений, представляющей собой антипод либеральной модели правления. Подобного рода оценку практики реализации идеи верховенства права, утверждения права как абсолютной социальной ценности, права человека и иных своих философских идей С.С. Алексеев сохранил до конца своей жизни. Об этом он с горечью писал в своей работе «Крушение права» (Алексеев 2010). Как и предполагал ученый, судьба либеральных ценностей в России долгое время будет оставаться неопределенной с возможным попятным движением. Однако он был убежден в прочном правовом устройстве страны в будущем (Алексеев 1998: 357-361).

Либералистские по своей сути идеи С.С. Алексеева сохраняют свою актуальность и в наши дни. Идеи С.С. Алексеева и других юристов с либеральными взглядами находят воплощение в трактовке современного конституционализма, суть которого состоит в следующем: «Конституционализм – это совокупность взаимосвязанных концепций, принципов и практик, организующих и тем самым ограничивающих власть правительства с целью предотвратить деспотизм» (Шайо, Уитц 2021: 16). Данная трактовка конституционализма находит выражение в современных конституциях и, что важно, в теоретических моделях конституционного устройства, закре-

плюющихся в правосознании и в практике государственного строительства множества стран мира. Документальное оформление и нормативное закрепление современных конституционализм находит в текстах конституций, воплощающих в себе идеал «Конституции свободы»⁶. В странах Восточной Европы и в России потребность в достижении обозначенного идеала артикулировалась на исходе XX столетия, когда пришло понимание того, что если реализуются принципы конституционализма, «установившиеся отношения образуют такую систему ограничений, при которой на первом плане стоит обеспечение свободы граждан» (Шайо 2001: 12). В этом смысле С.С. Алексеева можно рассматривать как провозвестника идеи конституции свободы в России. В терминологии самого юриста и философа – Конституции Человека. В развитие принципов конституционализма С.С. Алексеев обосновывает неприемлемость реализации в конституции принципа приоритета общества и власти над личностью, что было свойственно всем советским конституциям (Алексеев 2009: 7-8). Он выступает за принципиальное упорядочивание государственной власти и за развитие института и культуры прав человека (Алексеев 2009: 18). Глубинный смысл своей концепции Конституции Человека он видит в том, чтобы *«человек с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами возвысился над властью и это определило бы существо и развитие всей государственно-правовой жизни»* (Алексеев 2009: 17-18). Выявлению и обоснованию путей реализации этой концепции мыслитель посвятил многие годы своей жизни.

Таким образом, философские идеи С.С. Алексеева, в том числе его концепт права человека, нашли воплощение в общих представлениях о конституционализме, путях развития конституционного процесса в нашей стране. Это свидетельствует о многогранности личности ученого, органической взаимосвязи фундаментальных философских и правовых представлений в его мировоззрении.

⁶ Данная модель в явном виде представлена в фундаментальной работе венгерских исследователей Андраша Шайо и Ренаты Уитц (см.: Шайо, Уитц 2021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 1989. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва : Юрид. лит. 286 с.

Алексеев С.С. 1998. Самое святое, что есть у Бога на земле : Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Москва : Норма. 410 с.

Алексеев С.С. 2009. У истоков Конституции России : Субъективные заметки. Екатеринбург : Ин-т частного права. 64 с.

Алексеев С.С. 2010. Крушение права. Полемические заметки // Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Москва : Статут. Т. 7. С. 497–514.

Аронсон Д.О. 2015. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права : дис. ... канд. филос. наук. Москва. 175 с.

Казанцев М.Ф., Руденко В.Н. 2024. Возвышение права – миссия С.С. Алексеева : к 100-летию выдающегося правоведа // Государство и право. № 6. С. 7–32. DOI 10.31857/S1026945224060011

Шайо А. 2001. Самоограничение власти : (краткий курс конституционализма) : пер. с венгер. Москва : Юристъ. 292 с.

Шайо А., Утц П. 2021. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. Москва : Ин-т права и публич. политики. 580 с.

Abaci U. 2020. Eric Watkins, “Kant on Laws”, Cambridge University Press, 2019, 297 pp. : review, 15.02.2020. URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/kant-on-laws/> (дата обращения: 10.10.2024).

Viktor N. Rudenko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: rudenkovn@yandex.ru

S.S. Alekseev: from Philosophy of Law to the Human Constitution

Abstract: The article is dedicated to the philosophical views of Sergei Sergeevich Alekseev, an outstanding Russian legal scholar and organiser of science. In particular, the discussion considers the question of lawful freedom and Alekseev’s understanding of the purpose of law in achieving this freedom. The article discusses Alekseev’s key philosophical views and ideas, which determined his general theory of law and understanding of the problems of constitutionalism in Russia. Alekseev’s deep and systematic analysis of Kant’s views on legal issues and demonstration of a holistic Kantian legal doctrine have a pre-eminent position in Russian legal science and an important global dimension. In developing Kant’s ideas, Alekseev substantiated the value of law in modern society. To this end, he deeply rethought – in essence, reintroducing

into scientific circulation – the categories of “pure right” and “human rights”. Thus, Kant’s legal theory underpins Alekseev’s advancement of a liberalist approach to law, which is manifested in the idea of human rights as objective rights, in the permissive nature of the law itself, and in the need to develop a rule-of-law society. The article also shows the organic connection between Alekseev’s philosophical ideas and his notions about the constitutional process, which are expressed in his formulation of the concept of the Human Constitution.

Keywords: freedom; purpose of law; human rights; Kantian legal doctrine; Human Constitution

Михаил Федорович Казанцев

Институт философии и права

Уральского отделения РАН,

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: kazan.m@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3492-2815

ResearcherID: AAO-4861-2021

SPIN-код: 6652-0214

С.С. Алексеев: от гражданского права к теории права и возрождению цивилистики

Аннотация. В статье раскрывается значение для отечественного правоведения выдающегося ученого и организатора науки, правоведа, философа, мыслителя, публициста, писателя, государственного деятеля, доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Сергеевича Алексеева (1924–2013). Упор делается на двух главных для ученого областях правоведения – гражданском праве и теории права. Прослеживается в развитии исследовательский путь правоведа от советского гражданского права и марксистско-ленинской теории права к поиску новых подходов в теоретическом постижении права и возрождению цивилистики. Показывается, что главная заслуга Алексеева-теоретика советского периода – создание полной, системной, детально структурированной общей теории права, нашедшей воплощение в завершенном виде в двухтомной «Общей теории права» (1981–1982). Научная ценность его теоретико-правовых исследований постсоветского периода заключена прежде всего в результатах поиска новых подходов к праву, полученных при рассмотрении права как объективной реальности, в самой материи которого заложена специфическая логика, целеустремленная к свободе человека, его неотъемлемым правам, их обеспечению, при понимании права в высших его значениях как права человека, при характеристике права с мировоззренческих позиций, как феномена Разума и высоких истинно человеческих начал. Заслуги Алексеева-цивилиста в том, что он сыграл поистине выдающуюся роль в возрождении частного права, цивилистики в России, в создании Гражданского кодекса Российской Федерации (именно он инициировал подготовку проекта нового Гражданского кодекса, он же осуществлял общее стратегическое и научное руководство разработкой проекта кодекса, по-

мимо того, он принимал непосредственное участие в подготовке проекта кодекса в составе рабочей группы и, наконец, он взял на себя идеологическое и организационное обеспечение продвижения кодекса от проекта к действующему закону в органах государственной власти).

Ключевые слова: Алексеев Сергей Сергеевич, система общетеоретических правовых знаний, теория права, аналитическая теория права, инструментальная теория права, гражданское право, частное право, цивилистика, право собственности

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Век правоведа. В год столетия Сергея Сергеевича Алексеева (1924–2013) – доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук, почетного доктора (*honoris causa*) Университета Париж XII Валь-де-Марн, заслуженного деятеля науки РСФСР, участника Великой Отечественной войны – самое время окинуть взором творческий путь ученого, попытаться осмыслить его значение для отечественного правоведения.

Масштаб личности С.С. Алексеева в первую очередь определяется тем, что он – выдающийся ученый-правовед, лидер отечественной юридической науки последней трети XX – первого десятилетия XXI в., ученый с мировым именем, чьи фундаментальные идеи в области теории и философии права, конституционализма, частного права существенно обогатили и продвинули вперед науку, сформировали профессиональное мировоззрение многих тысяч юристов, способствовали становлению современной правовой системы в нашей стране и, воплотившись в законах, благотворно повлияли на жизнь людей.

Кроме того, С.С. Алексеев – организатор науки (основатель Института философии и права Российской академии наук и Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации) и государственный деятель (председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, председатель Комитета

конституционного надзора СССР, член Президентского совета). И еще он – публицист и писатель¹.

Но прежде всего С.С. Алексеев ученый – правовед и философ. С.С. Алексеевым опубликовано более 500 произведений по проблемам теории государства и права, гражданского, конституционного права и философии права, в том числе свыше 80 книжных изданий (не считая учебников и других работ, написанных в составе авторского коллектива). Его труды получили широкое признание и являются выдающимся вкладом в развитие юридической науки. Более 10 книг издано за рубежом.

В правоведении главными, можно сказать, родными для С.С. Алексеева являются гражданское право (частное право, цивилистика) и теория права (с выходом на философию права). Им он отдал более 60 лет своей жизни (с 1949 по 2013 г.).

Далее прослеживается в развитии исследовательский путь правоведа от советского гражданского права и марксистско-ленинской теории права к поиску новых подходов в теоретическом постижении права и возрождению цивилистики.

Гражданское право – начало. В мае 1949 г. студент 4-го курса Свердловского юридического института Сергей Алексеев был рекомендован руководством вуза для поступления в аспирантуру московского Института права Академии наук СССР (так тогда назывался Институт государства и права Российской академии наук) по теории государства и права. Но обстоятельства сложились так², что учеба в московской аспирантуре сорвалась. Казалось бы, неудача. Но нет. Вот как об этом пишет спустя многие десятилетия сам Сергей Сергеевич: «...неудача, связанная с перспективой поехать в аспирантуру в Москву, как это бывает иной раз в жизни, обернулась небывалой удачей: я остался в своем родном институте, сразу же был принят в аспирантуру по гражданскому праву, вошел в состав мощного коллектива специалистов по гражданскому праву под руководством Бориса Борисовича Черепяхина. И это во многом определило мою последующую жизнь, скажу больше – мою судьбу» (Алексеев 2012: 15).

¹Подробнее о биографии С.С. Алексеева, гранях его деятельности см.: (Казанцев, Руденко 2024).

²По свидетельству самого С.С. Алексеева, не хватило денег на билет в Москву (Алексеев 2012: 15).

На кафедре гражданского права Свердловского юридического института им были защищены кандидатская диссертация об акцептной форме расчетов (Алексеев 1951) и докторская – о предмете гражданского права (Алексеев 1959b) (соответственно, в 1952 и 1960 гг.).

Кроме монографии о предмете гражданского права (по которой защищалась докторская диссертация), у С.С. Алексеева (в сущности, еще молодого ученого) за короткое время вышли (причем в главном юридическом издательстве страны!) еще две книги по гражданско-правовой тематике: «Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов» (Алексеев 1959a) – его самая первая опубликованная монография – и «Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма» (Алексеев 1962) – отклик на XXI съезд КПСС, провозгласивший вступление Советского Союза в период развернутого строительства коммунизма.

Как видим, на рубеже 1950–1960 гг. С.С. Алексеев взял стремительный разгон в советской гражданско-правовой науке. И в самое это время он делает крутой поворот – к теории права. И поворот этот не был случаен.

Теория права – продолжение. Интерес к теории права у С.С. Алексеева зародился еще в студенческие годы. Однако в силу ранее описанных обстоятельств путь в науку он начал с гражданского права. И только после перехода в 1961 г. на кафедру теории государства и права, причем сразу на должность заведующего кафедрой, С.С. Алексеев смог в полную силу заняться теорией права.

Уже в первые годы обнаружил себя фирменный алексеевский подход к освоению теории права, определяющими чертами которого стали основательность, системность и масштабность. Наряду с глубокой монографической разработкой отдельных теоретико-правовых проблем (Алексеев 1961; Алексеев 1966; Алексеев 1971), С.С. Алексеев пишет полную, детализированную «Общую теорию социалистического права», публиковавшуюся в 4 выпусках (Алексеев 1963–1966). До этого в Советском Союзе одним автором не создавалась столь объемная (почти 900 страниц) общая теория права, о чем свидетельствует библиография по теории государства и права за 1917–1968 гг. (Кулажников 1969).

Спустя пять лет С.С. Алексеев развил успех двухтомником «Проблемы теории права» (Алексеев 1972–1973), который на долгие годы стал наиболее востребованным и цитируемым изданием по общей теории права, да и, пожалуй, вообще самым популярным юридическим изданием.

Наконец, еще через десять лет он выпускает двухтомную же «Общую теорию права» (Алексеев 1981–1982). Это масштабное, фундаментальное произведение представляет собой результат разработки С.С. Алексеевым общей теории права за двадцатилетний период³. И, как выяснилось позже, оно, по сути, подытожило развитие общей теории права всей советской эпохи.

Поиск новых подходов к теоретическому познанию права. После смены эпох, а точнее по завершении «хождения во власть», С.С. Алексеев вернулся к интенсивной научной работе, в том числе к теоретическому постижению права, но уже на новом витке.

Начиная с 1993 г. выходит целая серия книг С.С. Алексеева, в которых он ищет и от книги к книге развивает новые подходы к общетеоретическому осмыслению права: «Теория права» (Алексеев 1993), «Философия права» (Алексеев 1997), «Самое святое, что есть у Бога на земле» (Алексеев 1998), «Право. Азбука, теория, философия» (Алексеев 1999b), «Право на пороге нового тысячелетия» (Алексеев 2000a), «Теория права: поиск новых подходов» (Алексеев 2000b). Серию завершила монография «Восхождение к праву» (Алексеев 2001), которая стала итогом всей многолетней работы С.С. Алексеева по теоретическим проблемам права (о ней еще пойдет речь в статье).

Чтобы оценить вклад С.С. Алексеева в теорию права, прежде надо сказать о его видении системы общетеоретических правовых знаний. Представления об этой системе наиболее интенсивно развивались им в постсоветский период поиска новых подходов к общетеоретическому осмыслению права и в итоговом виде сложились в монографии «Восхождение к праву». В компактном обобщенном изложении они таковы.

Целостная система общетеоретических правовых знаний состоит из двух звеньев – общей теории права и философии

³ Сюда следует добавить еще несколько монографий и множество научных статей по различным проблемам теории права, которые упомянуть здесь нет возможности из-за нехватки места.

права. Общая теория права включает два уровня – аналитическую общую теорию права и инструментальную общую теорию права. Оба эти уровня общетеоретических правовых знаний не конкурируют друг с другом, не перекрывают друг друга. Каждый из них занимает свою нишу, свое достойное место в системе общей теории права, каждый по-своему, но в одинаковой мере важен для решения практических задач и для постижения права, его особенностей и секретов. Философия права представляет собой наиболее высокую по науковедческому уровню ступень теоретического осмысления права, но при этом не является уровнем (аспектом) общей теории права. Таким образом, теоретическое познание права осуществляется на трех последовательных уровнях: во-первых, на уровне аналитической общей теории права; во-вторых, на уровне инструментальной общей теории права; в-третьих, на уровне философии права.

Аналитическая общая теория права раскрывает элементы, атомы догмы права как системы юридических норм, их внутреннее строение, формы, действие и фиксирует эти «элементарные частицы» права как нормативного явления в единых для всех юридических дисциплин понятиях. По своему науковедческому профилю аналитическая общая теория права остается в рамках юридического позитивизма, догмы права (отторгая с точки зрения строго научных подходов существующие в теории позитивного права крайности, в том числе претензии быть некой конечной философией реальной юридической материи – то, на что претендует кельзенская концепция нормативизма).

Инструментальная общая теория права основана на инструментальном подходе и призвана с опорой на качество определенности права, на весь комплекс правовых средств освещать более глубокие пласты правовой материи (в связи и в динамике всех ее элементов), ее специфическую логику и особенности как институционального образования, ее структуру, свойства, механизмы, функционирование, направления и типы правового воздействия на жизнь общества. Инструментальная общая теория права представляет собой новую, наиболее высокую ступень правовой науки в общетеоретической плоскости, вплотную примыкающую к вершине теоретических знаний по правоведению – к философии права.

Философия права характеризуется как область знаний о праве в жизни людей, в человеческом бытии, призванная дать мировоззренческое объяснение права, раскрыть его смысл и предназначение для людей, каждого человека, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей. Философия права как составная часть правоведения – это завершающее звено целостной системы общетеоретических правовых знаний, где реализуются и развиваются на философском уровне данные предшествующих ступеней, в особенности данные о специфической логике права, и на этой основе разрабатывается собственная философско-правовая проблематика (Алексеев 2010: 80–82, 309–310).

Выделяя *периоды научно-теоретического творчества С.С. Алексеева* и преломляя их сквозь призму его вышеописанных представлений о трехуровневом теоретическом осмыслении права, можно сказать, что советский период (1950–1991) был посвящен разработке аналитической общей теории права (которая по временной привязке является советской теорией права⁴), а постсоветский (1992–2013) – помимо того, также инструментальной общей теории права и философии права.

Главная заслуга Алексеева-теоретика в советский период состоит, думается, в создании полной, системной, детально структурированной общей теории права, нашедшей воплощение сначала в вышедшей в 4 выпусках «Общей теории социалистического права» (Алексеев 1963–1966), затем в двухтомных «Проблемах теории права» (Алексеев 1972–1973) и, наконец, в двухтомной «Общей теории права» (Алексеев 1981–1982). Научная ценность этой алексеевской теории права не утрачена по сию пору, а следовательно, ее значимость простирается за пределы советской эпохи. Ее завершающая версия – двухтомная «Общая теория права» является вершиной развития теории права советского времени.

Научная ценность теоретико-правовых исследований Алексеева постсоветского периода заключается прежде всего в результатах поиска новых подходов к праву, которых он достиг при рассмотрении права как объективной реальности, в самой материи которого заложена специфическая логика, целеу-

⁴ О феномене советской теории права см.: (Алексеев 2010: 38–42).

стремленная к свободе человека, его неотъемлемым правам, их обеспечению; при понимании права в высших его значениях как права человека; при характеристике права с мировоззренческих позиций как феномена Разума и высоких истинно человеческих начал.

Означенные результаты наиболее завершенное и развернутое отражение нашли в полномасштабной теоретической научной монографии «Восхождение к праву. Поиски и решения» – главном научном труде С.С. Алексеева, который является итогом более чем пятидесятилетней работы ученого, то есть, практически всей его жизни, и не только по теоретическим проблемам права, но, по словам самого автора, итогом всей его научной, педагогической, самоподготовительной и литературно-публицистической деятельности. Вслед за первым изданием книги (Алексеев 2001) в 2002-м году вышло ее второе, переработанное и дополненное издание, в редакции которого монография в 2010 году вошла в Собрание сочинений С.С. Алексеева (Алексеев 2010). В концентрированном и частично уточненном виде основные идеи монографии были изложены автором в 2011 г. в докладе «Право – предназначение» (Алексеев 2011).

На страницах итоговой книги С.С. Алексеев ведет восхождение к праву на трех последовательных уровнях его познания: начинается на уровне аналитической общей теории права, иными словами, на уровне догмы права; развивается на уровне инструментальной общей теории права; завершает на уровне философии права.

На уровне инструментальной общей теории права (остановимся здесь только на этом уровне) Алексеев ведет поиск новых подходов к праву и, реализуя их, формулирует новые идеи в научном осмыслении права. Наиболее значимые из них в сжатом изложении (Алексеев 2010: 77, 91, 92, 99-101, 229, 232, 241, 281, 288; Алексеев 2011: 5-6, 9-11, 18, 23) таковы.

Ключевое звено новых подходов к праву – инструментальная теория. Суть идеи инструментального подхода в праве в том, что: во-первых, весь спектр фактических данных юридических знаний остается в сфере права, дело лишь в том, что эти данные не ограничиваются одними юридическими нормами, а охватывают все многообразие правовых (именно правовых!) явлений,

выступающих в качестве инструментов правовой регуляции; во-вторых, эта «инструментальная» фактура права ближайшим образом опирается на главное качество права – качество определенности, способность придавать таковую всей социальной жизни (главным образом в виде юридических конструкций) и, что не менее существенно, дать обществу альтернативу тому состоянию «грядущей и, увы, наступающей анархии», которое выражено в насилии и произволе; в-третьих, инструментальная трактовка права является исходной основой для характеристики уникальных особенностей правовой материи, ряда ее принципиально новых характеристик и прежде всего своеобразной логики права, которая придает основательный социальный смысл отмеченным выше качествам права, опирающимся на его качество определенности.

Право – объективная реальность. Исходный, принципиально важный пункт истинно научного понимания права заключается в том, что действующее право, именуемое позитивным, – это не просто и не только мысль. Не просто известные идеи и воля, суждения о должном и возможном поведении, не только порой произвольные решения властей о том, «кто» и «что» вправе делать и «как» поступать. Позитивное право – это факт, то есть внешняя реальность, строгая объективная данность. Такая реальность, объективная данность, которая каждый момент существует и действует как явление нашего бытия, нечто обособленное и внешнее для каждого человека и для всех социальных институтов, для общества в целом.

Юридическая материя. Право имеет свое тело как своеобразную материю со своими свойствами, своей жизнью, логикой существования и развития. Материю – не в грубо материалистическом понимании, т. е. не в значении вещественных, зримых предметов (хотя в праве есть и такая сторона – законы, другие правовые источники, документы), а в значении социальной, во многом «незримой» реальности. Центральным звеном правовой материи (в силу самой ее природы) являются субъективные права.

Право как форма. При всей исключительной важности в жизни человеческого сообщества экономического, политического, нравственного, иного фактического содержания законов, юридических норм, в области юриспруденции первостепенное

значение принадлежит форме, притом форме внутренней (которая в основном и образует своеобразную юридическую материю).

Логика права. Характеристика права как логической системы не исчерпывается тем, что оно как никакое иное социальное явление воплощает в самой своей органике требования и правила формальной логики и подчиняется математическим методам. Ему присуща и своя, особая логика – логика права. Логика права – это математического типа специфические закономерности права как своеобразной объективной реальности, касающиеся юридических норм и вместе с тем всей материи права.

Юридические конструкции. Юридические конструкции являясь собой наиболее развитой уровень правовой материи. Юридические конструкции, являющиеся результатом типизации в праве, и образуют основное содержание «тела» права в более или менее развитой юридической системе. Именно здесь, в юридических конструкциях, и раскрывается своеобразие права как объективной реальности, состоящей именно во внутренней форме, т.е. в структурной организации его содержания.

Исходное начало науки. Только при признании того, что предметом юридических знаний являются не сами по себе акты власти, не требования той или иной идеологии, не какие-то иные фантомы, а твердая объективная реальность – только при признании этого возможна действительная, истинная наука, имеющая дело с реальными фактами окружающей нас действительности. То есть такая же в принципе наука, как все иные отрасли знаний. Да к тому же наука, призванная практически и теоретически осваивать такие реальные факты действительности, которые в той или иной мере выражают известные идеальные, гуманитарные начала и ценности. Такой («естественно-технический» и, одновременно, гуманитарный) характер правоведения придает ему высокосignимый науковедческий статус.

Главный вывод Алексева, сделанный им в результате восхождения к праву, исполнен внутренней силой и убежденностью мыслителя и в то же время в контексте последних событий в мире звучит тревожно и провидчески. *У человечества нет*

иного пути и иного способа решения глобальных проблем и трудностей, грозящих тяжкими, катастрофическими последствиями для человеческого рода, как поставить в самый центр жизни людей современное право, повсеместно, непоколебимо признать его верховенство. Только оно, право, способно противостоять вполне возможной катастрофе, которая грозит человечеству в обстановке грядущей анархии, вольницы, ненасытного и изоциренного потребительства, притом, увы, в условиях, казалось бы, близкого всеобщего процветания (Алексеев 2010: 522; Алексеев 2011: 66).

К возрождению цивилистики. К гражданско-правовой тематике С.С. Алексеев вернулся только ближе к 1990-м гг. – сначала как законодатель (в бытность председателем комитета по законодательству Верховного Совета СССР), а после оставления государственных должностей – как ученый, но опять-таки в немалой степени в контексте законопроектных работ. В это время из-под пера С.С. Алексеева, в частности, вышли «Гражданское право в современную эпоху» (Алексеев 1999а), «Частное право» (Алексеев 1999с.), «Право собственности. Проблемы теории» (Алексеев 2006, 2007, 2008). Это были исследования уже не по советскому гражданскому праву, а в духе времени – разработки по частному праву, цивилистике.

Наиболее крупной (не только по размеру) своей цивилистической работой постсоветского периода Алексеев считал книгу по теории права собственности (неслучайно она в течение трех лет вышла тремя изданиями с переработкой и дополнениями и включена в собрание сочинений). В этой книге ученый, по его словам, «предпринял попытку положить в основу рассмотрения вопросов собственности философские положения, которые связывают наше миропонимание с человеком, его разумом и свободной волей, и с этих позиций обосновать взгляд на собственность (право собственности) как на в е л и к о с в е р ш е н и е человечества и одновременно как на остро проявившуюся в последние годы т р а г е д и ю ч е л о в е ч е с к о г о б ы т и я» (Алексеев 2006, 2007, 2008: 5 – по изд. 2008 г.).

Заслуги Алексеева перед цивилистикой заключены не только в написании научных трудов. Он сыграл поистине выдающуюся роль в возрождении частного права, цивилистики в России. Продуманность и четкость, с какой С.С. Алексеев действовал на этом поприще, впечатляет. Судите сами:

во-первых, была разработана стратегия в виде утвержденной Указом Президента Российской Федерации программы «Становление и развитие частного права России». Научным руководителем программы стал сам С.С. Алексеев;

во-вторых, созданы организации-исполнители – Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации, Российская школа частного права, Институт частного права;

в-третьих, к выполнению программы привлечены квалифицированные ученые, из числа которых особо следует выделить Станислава Антоновича Хохлова и Александра Львовича Маковского;

в-четвертых, заложены законодательные основы в виде нового Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вклад С.С. Алексеева в создание Гражданского кодекса Российской Федерации колоссален, уникален и многогранен: именно он инициировал подготовку проекта нового Гражданского кодекса; он же осуществлял общее стратегическое и научное руководство разработкой проекта кодекса; помимо того, он принимал непосредственное участие в подготовке проекта кодекса в составе рабочей группы; и, наконец, он взял на себя идеологическое и организационное обеспечение продвижения кодекса от проекта к действующему закону в органах государственной власти.

Конечно, С.С. Алексеев больше известен как теоретик права. И сам он, скорее всего, позиционировал себя прежде всего как теоретика. Но при всем при том главным делом своей жизни он считал (и затвердил это письменно) «возрождение правовой науки, гонимой в сталинское время, – цивилистики».

Заключение. В конце жизни, подводя ее итог, Сергей Сергеевич Алексеев в своих неопубликованных записках написал:

«Возможно – главное, по моему разумению, из того, что мне удалось сделать в жизни (может быть, наиболее значимое все же о собственности, 2006?). И это – не научные звания и титулы, и тем более – не должности и посты, которые мне довелось занимать в краткую и такую бурную пору жития в столице. И даже не какие-то реальные дела того времени (хотя, в общем-то, на ниве государственных дел мне довелось быть у истоков и собственного парламентского законодательства – есть даже

день и час, 31 июля 1989 г., когда стали творить законы с а м и «без политбюро», сделать первые шаги конституционного правосудия – в Комитете конституционного надзора и быть зачинщиком создания основополагающих законов страны – Конституции, Гражданского кодекса).

Главное – в том, что к концу жизни удалось выйти на важнейшую, верю – ключевую, грань понимания важнейшего института общества – права. И что, быть может, рано или поздно должно породить «взрывной эффект» в науке. А еще, быть может, скажется, возьмусь предположить, на судьбе людей, людского будущего. (А чуть позже, в 2006 г., еще на одну грань – право собственности, где конструкции оказались только намеченными)» (Алексеев 1996–2007: 17).

Для Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук С.С. Алексеев имеет особую значимость как основатель и первый директор Института. Институт тоже сыграл свою роль в судьбе С.С. Алексеева. Ведь московский взлет его карьеры как государственного деятеля, выдающаяся роль в создании Конституции и Гражданского кодекса стали возможными после избрания народным депутатом СССР, в которые он был выдвинут от Академии наук СССР как директор Института философии и права его коллективом – единогласно. Институт благодарен Сергею Сергеевичу и чтит его память.

...История вынесет свой вердикт позже. Но, думается, уже сейчас видно: Сергей Сергеевич Алексеев – самая масштабная личность в отечественном правоведении последнего столетия⁵. И потому Алексеева без преувеличения можно назвать великим правоведом (что уже делается и устно, и печатно), а последнее столетие – веком Алексеева.

⁵ О чем свидетельствует, в частности, уже довольно обширная литература об ученом (см., напр.: *Тарасов Н.Н.* Служение праву. С.С. Алексеев (заметки на полях биографии) // Цивилистические записки : Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Москва, 2004. С. 3–14; Юрист, философ, гражданин : Четыре интервью к 80-летию чл.-корр. РАН С.С. Алексеева / подгот. и провела И. Фан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2004. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 31–63. Интервью с Переваловым В.Д., Руденко В.Н., Гонгалом Б.М., Орловым Г.П.; Алексеев Сергей Сергеевич : Правовед, мыслитель, публицист : Биобиблиография : К 85-летию со дня рождения ученого / М.Ф. Казанцев, В.Н. Руденко,

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 1951. Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву : Дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б.Б. Черепахин. Свердловск, 1951. 347 с.

Алексеев С.С. 1959а. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. Москва. 176 с.

Алексеев С.С. 1959б. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск. 336 с.

Алексеев С.С. 1961. Общие теоретические проблемы системы советского права. Москва. 188 с.

Алексеев С.С. 1962. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. Москва. 284 с.

Алексеев С.С. 1963–1966. Общая теория социалистического права : (Курс лекций) : Учеб. пособие : [В 4 вып.]. Свердловск. Вып. 1 : Введение. Сущность социалистического права. 1963. 266 с.; Вып. 2 : Нормы права и правоотношения. 1964. 228 с.; Вып. 3 : Правовые акты. 1966. 212 с.; Вып. 4 : Применение права. Наука права. 1966. 204 с.

Е.М. Сурина. Екатеринбург, 2009. 466 с.; *Лукьянин В.П.* «Неисправимый приверженец вечных правовых ценностей» // Вершины уральской науки / В.П. Лукьянин. Екатеринбург, 2013. С. 148–197; *Маковский А.* Исследовательский центр частного права – центр имени С.С. Алексеева // Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. 25 лет. Москва, 2016. С. 253–263; *Крашенинников П.В.* Романтик права Сергей Алексеев // 12 апостолов права / П.В. Крашенинников. Изд. 2-е. Москва : Статут, 2016. С. 187–203; *Семитко А.П.* С.С. Алексеев – мыслитель-правовед: этапы жизненного и творческого пути // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 72–80; Наш Сергей Сергеевич : Антология устных рассказов / Музей С.С. Алексеева «Восхождение к праву» ; Урал. гос. юрид. ун-т. Екатеринбург, 2019. 268 с.), а также фильмы о нем (см., напр.: Линия права. Сергей Алексеев : Документальный фильм : Фильм второй документальной диалогии «А был ли мальчик?» / автор сценария и режиссер-постановщик Сергей Мартыянов. Свердловская киностудия. 2008. 26 минут; Кинопроект-трилогия «Эпоха Сергея Сергеевича Алексеева». Фильм первый «Восхождение к праву» / автор идеи и сценария Сергей Степанов, постановка, съемка, монтаж – Роман Исаков. 2019. 93 минуты). Исследования научного творчества и биографии С.С. Алексеева занимают заметное место в историографии юридической науки, что не удивительно, поскольку историографическое отражение ученого напрямую зависит от масштаба его вклада в науку и масштаба его личности.

Алексеев С.С. 1966. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва. 188 с.

Алексеев С.С. 1971. Социальная ценность права в советском обществе. Москва. 224 с.

Алексеев С.С. 1972–1973. Проблемы теории права : Курс лекций : В 2 т. Свердловск. Т. 1 : Основные вопросы общей теории социалистического права. 1972. 396 с.; Т. 2 : Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). 1973. 402 с.

Алексеев С.С. 1981–1982. Общая теория права : Курс в 2 т. Москва. Т. 1. 1981. 360 с.; Т. 2. 1982. 360 с.

Алексеев С.С. 1993. Теория права. Москва. 224 с.

Алексеев С.С. 1996–2007. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Екатеринбург (Свердловск) – СПб. 1996–2007 // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. 35 л. Подлинник на бумажном носителе набран на компьютере; не опубликован.

Алексеев С.С. 1997. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. Москва. VI, 330 с.

Алексеев С.С. 1998. Самое святое, что есть у Бога на земле : Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Москва. VI, 410 с.

Алексеев С.С. 1999а. Гражданское право в современную эпоху (Заметки и постановка проблемы). Екатеринбург. 36 с.

Алексеев С.С. 1999б. Право : Азбука. Теория. Философия : Опыт комплексного исследования. Москва. 712 с.

Алексеев С.С. 1999с. Частное право : Науч.-публицист. очерк. Москва. 160 с.

Алексеев С.С. 2000а. Право на пороге нового тысячелетия : Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Москва. 256 с.

Алексеев С.С. 2000б. Теория права: поиск новых подходов : Учеб. пособие. Екатеринбург. 250 с.

Алексеев С.С. 2001. Восхождение к праву : Поиски и решения. Москва. VI, 748 с.

Алексеев С.С. 2006, 2007, 2008. Право собственности : Проблемы теории. Екатеринбург, 2006. 128 с.; 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2007. 240 с.; 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2008. 240 с.

Алексеев С.С. 2010. Восхождение к праву : Поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч. : В 10 т. [+ Справоч. том]. Москва. Т. 6. С. 8–553.

Алексеев С.С. 2011. Право – предназначение : Доклад при вручении Демидовской премии 2010 года. Екатеринбург. 82 с.

Алексеев С.С. 2012. Свобода ценою в жизнь : Мемуары // Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь : Мемуары; Интервью порталу Закон.ру. Екатеринбург. С. 3–27.

Казанцев М.Ф., Руденко В.Н. 2024. Возвышение права – миссия С.С. Алексеева. К 100-летию выдающегося правоведа // Государство

и право. 2024. № 6. С. 7–32. DOI 10.31857/S1026945224060011; № 7. С. 7–26. DOI 10.31857/S1026945224070014

Кулажников М.Н. 1969. Теория государства и права : Библиография 1917–1968. Москва. 372 с.

Mikhail F. Kazantsev

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: kazan.m@mail.ru

Sergey Alekseev: From Civil Law to Legal Theory and the Revival of Civil Law Scholarship

Abstract. The article explores the significant impact of Sergey Alekseev (1924–2013) – a distinguished scholar, legal expert, philosopher, publicist, writer, statesman, Doctor of Law, Professor, and Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences – on the development of Russian jurisprudence. It focuses on two main areas of his work: civil law and the theory of law. Alekseev’s intellectual journey is traced from his engagement with Soviet civil law and Marxist-Leninist legal theory to his pursuit of innovative approaches in understanding law and the revitalization of civil law. His most notable achievement during the Soviet era was the creation of a comprehensive, systematic, and detailed general theory of law, encapsulated in the two-volume *General Theory of Law* (1981–1982). The article highlights the scholarly importance of Alekseev’s post-Soviet research, which introduced new perspectives on law as an objective reality governed by its own logic. This work emphasized individual freedom, the protection of inalienable rights, and the presentation of law as a manifestation of Reason and core human values. Alekseev’s contributions to civil law are particularly noteworthy. He played a pivotal role in the revival of private and civil law in Russia, especially in the development of the Civil Code of the Russian Federation. He initiated the drafting of the new Civil Code, provided strategic and scholarly oversight throughout its preparation, actively contributed as a member of the working group, and took on the ideological and organizational leadership necessary to transform the draft into law.

Keywords: Sergey Alekseev; system of general theoretical legal knowledge; theory of law; analytical theory of law; instrumental theory of law; civil law; private law; civil law; property law

Виктор Сергеевич Мартянов

доктор политических наук,

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

ORCID: 0000-0002-7747-0022

SPIN-код: 8770-5974

Разоблачение короля: фальсификация западного мейнстрима

Аннотация. Мейнстрим социальных наук связан с формированием нормативной картины мира современных обществ. Главная роль в ее создании принадлежит тем, кто имеет наибольшее влияние и возможности по продвижению и распространению своих взглядов. В этом контексте описание социального мира и его закономерностей трудно отделить от установления самих правил его функционирования. Исторически слабеющий Запад и укрепляющиеся незападные центры силы осуществляют передел сфер глобального влияния. Незапад обретает технологическую и ресурсную автономию, но колониальное мышление и воображаемые глобальные иерархии являются наиболее труднопреодолимыми. Лучший мир всегда возникает после конфликта, в ходе которого стороны утрачивают былые иллюзии о себе и своем месте в мире, проводят инвентаризацию собственных ресурсов и выходят на прагматичные переговорные позиции по фундаментальным вопросам. В этом контексте целью социально-политических теорий всегда является не только поиск истины об обществе, но и ценностно-институциональное лидерство субъектов этих теорий в интерпретации постзападной Современности/Модерна. Одним из ключевых вопросов глобальной трансформации мейнстрима социальных наук, культурных и политэкономических иерархий является легитимация назревших перемен, в которых заинтересованы незападные участники конфликтного взаимодействия. Последовательное противостояние Западу подразумевает не роль привычно унижаемого традиционалистского оппонента, а деятельное оспаривание западной гегемонии в интересах более широкой, справедливой и глобальной версии Современности. Актуальное российское общество может реализовать потенциал системообразующего морально-политического субъекта такой версии Современности.

Ключевые слова: мейнстрим, Запад, Модерн, Современность, друг – враг, центр-периферия, бинарные коды, транзитология, легитимация, социальные изменения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

В фундаментальном политическом различии претендовать на полноценность, автономию, суверенитет и самоузаконение можно лишь в контексте признания тебя другими субъектами другом или врагом (К. Шмитт). Только подобное отношение является критерием политического признания сторонами друг друга, то есть относительного равенства. В ином случае возникает иерархическая градация статусов субъектов политического взаимодействия, когда одна из сторон претендуя на универсальность, всеобщность и нормативность, пытается объявить другую преступником и маргиналом, в отношениях с которым невозможны ни договоренности равных, ни конфликтное взаимодействие в виде войны, а допустимы только наказания и санкции. Исправить подобную асимметрию политический субъект может только поднятием ставок и рисков. Например, объявлением полноценной и тотальной войны тем, кто объявляет тебя преступником и изгоем. Эта ситуация всегда релятивна и зеркальна. Политический субъект, претендующий на гегемонию, может быть законодателем и назначать преступниками других только в случае, если кто-то из оппонентов признает себя преступником и действует, как ожидается от *преступника*, то есть таким образом, что на практическом и на символическом уровне это не меняет его маргинального (неравного) статуса. Например, когда контрагент не объявляет войны, а ограничивается терроризмом; не вводит ответные санкции, а ограничивается контрабандой; использует чужой ценностный и понятийно-описательный словарь вместо разработки своего и т.д. В противном случае подобные политические статусы, оценки и решения ничтожны как в международном праве, так и во внутренней политике. В настоящее время в глобальном мире происходит фундаментальная переконфигурация друзей

и врагов, гегемонов и сателлитов, а также их коалиций, связанная с ослаблением Запада относительно других центров силы.

Исторически взлет мирового влияния Европы/Запада был подкреплен передовыми военными технологиями, религиозным подъемом и образованием прогрессивных городов-республик (от Венеции и Генуи до Амстердама и Ганзейского союза), в которых зарождались социальные технологии и институты современного общества. Первоначально историческая ситуация капитализма отождествлялась исключительно с Западом. А точнее, с совокупностью европейских метрополий, описываемых как нормативный тип общества для Незапада. Этот тип общества был положен в основание исходного европейского нарратива социальных наук, призванного объяснить закономерности принципиально новой исторической ситуации Модерна, сменившей сословно-феодальный Старый порядок (*Ancien Régime*). Позже выяснилось, что *доступные в будущем* современные нормы и институты Европы/Запада культурно-исторически оказываются недостижимыми идеалами для всех остальных обществ. Более того, практики воспроизводства этих ценностей и норм в остальном мире представляют развернутые системы подавления, эксплуатации, сегрегации и двойных стандартов, выступая системным онтологическим отрицанием нормативного самоописания метрополий, адресованного человечеству в целом. Навязанное извне уничижительное описание колоний обнаруживает предельную нерелевантность в ситуации распада западных колониальных империй, усиления освободительных движений и деколонизации сопоставимых по влиянию с Западом великих культур и мировых регионов (Го 2024). Проблема заключается в том, что онтологически всегда прав объект или конкретно-историческое общество. Поэтому несоответствие обобщающих схем описываемой реальности свидетельствует прежде всего об ущербности теорий, а не о патологии социальных фактов, как часто утверждают транзитологические или модернизационные теории, наследующие общему для них дискурсу колониализма. Это противоречия, методологически относящиеся лишь к идеальному типу, которым подменяются конкретно-исторические общества.

Ключевым противоречием в основании социальных наук является неразрешимая двойственность задачи самоописания

модерного общества, связанная, во-первых, с вариативными научными объяснениями его закономерностей, а во-вторых, – с противоречивыми нормативными суждениями о всеобщем благе и *должном состоянии* этого общества, которое первоначально представлялось исключительно как европейское/западное. С одной стороны, умножаются попытки мейнстрима социальных наук подражать *естествознанию*, симулируя применение невозможных для наук об обществе принципов, критериев и процедур *чистой науки*, с другой – идет бесконечный процесс борьбы за легитимацию и нормализацию партикулярных этических и идеологических взглядов на общество как на целое. В подобном контексте выясняется, что западный мейнстрим социальных наук как совокупность доминирующих теорий и понятий «не стоит воспринимать как объективную данность, заданную всем ходом развития современной цивилизации, а то и самой природой человека. Либеральная политология и неоклассическая экономика не оформились бы в господствующую парадигму обществознания без геополитического успеха британской и затем американской гегемонии XIX–XX веков... она идеологически возводит в абсолют довольно специфический опыт геополитически удачно изолированной и одновременно расположенной у основания мировых торговых маршрутов островной и заокеанской окраины Запада» (Дерлугьян 2009: 20-21).

Тем не менее Запад как победитель в *холодной войне* на некоторый период смог освободить себя от необходимости доказывать свое моральное преимущество, при этом не сразу заметив, что легитимирующие основания для *конца истории* и *нового золотого века* рухнули вместе с первыми военными западными экспансиями 1990-х. Эти военные вмешательства создали у коллективного Запада обманчивое впечатление, что так будет всегда. Коллективный Запад не учел опыта всех предшествующих империй и гегемонов: предвестниками их упадка были не поражения в войнах, а их учащение. Войны могли быть и победоносными, но до определенной поры, пока силы и резервы империй не начинали истощаться. Презумпция вечного нахождения противника в предельно униженном и слабом состоянии не выдерживает критики, как и его готовность навечно смириться с таким положением вещей. Поскольку

история не знает окончательных побед, разумной тактикой при взаимодействии слабеющих гегемонов с растущими центрами силы является прагматизм, основанный на компромиссах. Однако именно эта взвешенная и оптимальная стратегия первоначально считается слабостью, пока переговорные позиции привычных гегемонов не будут скорректированы в более жестком сценарии. В данном контексте Россия вряд ли восстановит в обозримой перспективе глобальный уровень советского влияния, но находиться в упадке 1990-х она тоже больше не может. Ребалансировка сил и центров влияния в мире осуществляется постоянно. И российская аргументация, связанная с восстановлением естественного ареала безопасности, достоинства и суверенитета, национальными интересами и нивелированием двойных стандартов, безусловно убедительнее, чем западная агрессивная риторика о несоответствии России неким понятиям и стандартам, которыми сам Запад в случае противоречия этих *незыблемых правил* своим интересам всегда готов пренебречь. В условиях решения экзистенциальных вопросов российской нации вся наступательно-принудительная риторика Запада, связанная с аксиоматической монополией на интерпретацию истории, демократии, рынка, прав человека, норм международного права и введение санкционных кейсов, становится окончательно дискредитированной, утрачивая нормативное влияние. Это положение усугубляется все более случайным и конъюнктурным характером всех тех новейших тенденций и явлений, интересов и практик, идей и ценностей, которые выдаются Западом за общезначимую норму. В ситуации позднего, или *текучего* Модерна (З. Бауман) все чаще происходит эклектичное масштабирование претендующего на общезначимость локального, случайного, ситуативного с приставками *пост-*, *альтер-*, *нео-*, *мета-*, *гипер-*, *транс-* и т.д. Достаточно быстро скороспелые мейнстримные утопии обнаруживают пределы своей универсализации, а завышенные социальные ожидания сменяются разочарованием.

При этом ослабление военного, технологического и экономического лидерства Запада происходит быстрее, чем пересмотр оснований культурного доминирования, поскольку выход из смысловой системы иерархической номенклатуры ряда взаимосвязанных понятий мейнстрима возможен только

посредством взгляда на нее извне, что предполагает выработку альтернативных ценностно-институциональных координат и консолидирующих нарративов. Проблема заключается и в том, что «...даже самые ярые оппоненты “одностороннего доминирования исторического Запада в мировых делах” не способны сформулировать свои претензии без опоры на базовые ценности демократии и прав человека. Более того, в российском контексте ссылка на западную норму – почти необходимый элемент любого политического решения, включая те, которые подвергаются суровой критике со стороны Запада. Этот факт указывает на критическую степень нормативной зависимости России от Запада...» (Морозов 2013: 54-55). Периферии в глобальном распределении ресурсов и технологических цепочек зависимы от центра, но в западном мейнстриме социальных наук причины их отсталости интерпретируются лишь как *внутренние*, порождаемые собственными дефектами, а также исторической, культурной, политической ущербностью; при этом все культурные отличия от Запада интерпретируются в *дискурсе отсталости*. В то же время причины неразвитости, выходящие за рамки периферии и коренящиеся в особенностях асимметричного устройства самой миросистемы, остаются вне поля зрения теоретического мейнстрима как подрывающие легитимность центра миросистемы в качестве достижимого образца.

Парадокс состоит в том, что общества центра и периферии капиталистической миросистемы все чаще обнаруживают сходство в направлениях социальных изменений под влиянием одних и тех же всеобщих фоновых процессов урбанизации, секуляризации, индивидуализации, демократизации, индустриализации, автоматизации, роботизации и т.д. (Дерлугьян 2015). Страновые различия в действии данных процессов, постепенно охватывающих весь мир, объясняются прежде всего их исторической неодновременностью. Можно параллельно наблюдать, как периферийные общества движутся к демократии, в то время как *образцовые рынки и зрелые демократии коллективного Запада* по экономическим причинам усиливают протекционизм, ужесточают миграционное законодательство, пропитываются популистскими и националистическими настроениями, теряют наработанный ранее потенциал ценностно-институциональной

универсальности (Фишман 2019). Никто в мире не спорит, что демократия лучше, чем ее отсутствие. Или что рынок и конкуренция могут быть эффективными инструментами, содействующими благу народа. Большинство современных обществ открыто объявляют себя демократиями, ориентируясь на соответствующие ценности, институты и процедуры. Однако центр-периферийная структура миросистемы программирует неизбежные попытки закрепления иерархической дифференциации демократий, определениями которых служат прилагательные с отрицательной оценочной семантикой (нелиберальных, авторитарных, гибридных, частичных, фасадных, ограниченных и т.п.), вследствие чего выхолащивается само понятие *демократия*. Демократия превращается в пустое означающее, либо не применимое ни к одному реальному обществу, либо применяемое по специфическим критериям лишь к малой совокупности избранных обществ, образующих центр мироэкономики в виде либеральных демократий. В последнем варианте возникает фигура гегемона, прогрессора и интерпретатора, который начинает отказывать большинству западных обществ в их демократическом или рыночном характере, утверждая, что они архаичны, слабо развиты и недемократичны: «Одни субъекты присваивают право говорить от имени либерализма/рынка/демократии и обобщающей их Современности/Модерна, а другие – искусственно выводятся за рамки либерального консенсуса. Указанный интеллектуальный фокус реализуется посредством обществоведческих классификаций, опирающихся на бинарный принцип, когда все многообразие возможных классификаций сводится к одной оппозиции: норма/отклонение, которая в научной модальности изоморфна дихотомии истина/заблуждение. В результате человечество, исторически полностью вовлеченное в капитализм и легитимирующие его нарративы либерализма, рынка и демократии, попадает в парадоксальную ситуацию, когда с точки зрения западной гегемонии подавляющее большинство человечества в теории оказывается вне Современности/Модерна» (Мартьянов 2021: 115).

Глобальное угасание западного мейнстрима все чаще связано с попаданием в ловушку универсального рецепта теории модернизации, согласно которому выйти на *траекторию прогресса* можно с помощью институционального копирования

конкретно-исторических моделей рынка и демократии, де-факто демонстрирующих исчерпание потенциала развития в западных обществах. Поэтому транзитологическую терминологию, предназначенную для *отсталых обществ* в формате *фасадных, нелиберальных, авторитарных, заблокированных демократий с ограниченными, несовершенными, олигархическими рынками* и т.п., все чаще можно аргументированно переадресовывать самим западным обществам, возложившим на себя прогрессорские функции: «Эпоха американского доминирования уходит, но оказывает сопротивление по прежнему, хорошо знакомым проектно-нарративным канонам. Как внутри западных обществ, так и за их пределами оппозиция “либеральному” миропорядку объявляется автократической, фашиствующей и подлежащей низвержению во имя лучшего будущего» (Цыганков 2022: 12).

Дискурсы транзита и модернизации, предназначавшиеся незападному миру и призванные интеллектуально легитимировать гегемонию Запада, были значимой составной частью западного мейнстрима. Они выявляли изъяны и неисторичность незападных обществ и демонстрировали достоинства западных в качестве всеобщего идеала/образца. По отношению к России «аксиома транзитологии заключалась в том, что необходимо применить универсальную политическую теорию к частному предмету – России, которая не обладает какой-либо “особенностью”, то есть собственной логикой исторического и социокультурного становления. Поэтому “российская политология”, исходящая из логики отличий, разрывов, “особенного”, “своего пути”, здесь просто немыслима» (Мартьянов 2007: 35-36). В интеллектуальном фундаменте *переходных концепций* продолжал господствовать хорошо замаскированный колониализм, подкрепленный расовыми теориями ориенталистики и антропологии. Если исходный колониализм киплингговского типа в чистом виде предполагал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток» и цивилизационное различие между ними останется навечно, то крушение колониальной системы внесло в этот дискурс вечногo превосходства существенные коррективы. Социальные науки Запада стали предполагать историческую возможность для незападных обществ стать на один уровень развития с западными, если последние будут взяты за безальтернативный

образец и институционально скопированы. И когда многие незападные общества довольно быстро достигли военного, экономического, культурного уровня влияния западных, то оказалось, что эвристический и легитимационный потенциал концепций транзита и модернизации исторически исчерпан. В первую очередь это проявлялось в тех случаях, когда незападные общества достигали серьезных успехов в развитии вопреки указанным теориям и советам западных экспертов. Например, восходящие *азиатские тигры* применяли протекционизм вместо невыгодной им свободной торговли, воровали технологии, нарушали право интеллектуальной собственности точно таким же способом, как это ранее делали многие европейские страны в период бурного развития Запада (Чанг 2018). Основной проблемой мейнстримных концепций прогресса является длительное и устойчивое неразвитие значительной части мира. Теории, достаточной релевантно описывающие закономерности процессов, происходящих в политике и экономике Запада, оказываются бессильны при объяснении эффектов неразвития и неудач институциональных транзитов и трансплантаций. В сравнительной перспективе обнаруживается избирательный характер и чрезмерный редукционизм западного мейнстрима, отказывающегося признавать глобальную связанность человечества, в которой небольшой пул обществ центра капиталистической миросистемы контролирует глобальную экономику.

Эта идеологическая асимметрия нанесла ощутимый удар по западному мейнстриму, лишив его защитного слоя транзитологических и модернизационных концепций, ценность и востребованность которых в незападном мире объективно пошли на спад. Западные общества потеряли свойство *идеальности*, встав в *общий ряд* обществ глобального мира, испытывая примерно те же проблемы, угрозы и вызовы и больше не имея каких-либо явных ценностно-институциональных преимуществ, помогающих с ними справиться. В результате Запад утрачивает признаки *универсального сообщества*, становясь *частным* или *особым* примером, который все сложнее релевантно масштабировать на мир в целом. Прямой перенос партикулярного исторического опыта Запада в сравнительной межстрановой перспективе тоже все чаще оказывается просто невостребованным.

Для выстраивания глобальных нормативных иерархий требуется опора на принципиальные социальные, экономические, культурные преимущества. Ранее Запад мог говорить от имени *цивилизации*, *миссии белого человека*, *колонизатора неосвоенных земель*, *субъекта прогресса* и т.д. Сейчас этот нормативный ресурс, обобщаемый в монополии на *образцовую Современность*, перестает работать. Все принципиальные различия оказались скорее вообразаемыми, а ценностно-институциональных сходств у способов легитимации/воспроизводства западных и незападных современных обществ в глобальном контексте позднего Модерна больше, чем казалось на заре возникновения социальных наук, имевших дело преимущественно с европейскими реалиями. Повсеместно воплощенные базовые ценности и институты классического либерализма как исходной утопии Модерна, способы функционирования экономики и публичной сферы, легитимации и ротации элит, механизмы и ритуалы всенародного участия, ценностные предпочтения граждан и т.д. не демонстрируют в сравнительном межстрановом контексте разительных отличий. В результате все участники глобального взаимодействия потенциально получают *равное право* говорить от имени Модерна/Современности, что нивелирует исторические привилегии и преимущества западных обществ, которые пользовались инструментальными ресурсами риторики о демократии и рынке, модернизации и прогрессе в целях легитимации колониальных и/или исключительно национальных интересов.

Ослабление нормативной монополии на Модерн/Современность и попытки ее вернуть выражаются в компенсаторной интенсификации всех способов силового давления на врагов. Например, в переходе от шантажа отдельных суверенных стран к попыткам ограничения возможностей и принуждения отдельных корпораций и физических лиц, являющихся ключевыми акторами все более независимых и влиятельных в мире незападных обществ. Западные государства и их союзы продолжают стремиться к военной, экономической, культурной экспансии и обеспечению экстратерриториального действия своего законодательства. Они пытаются действовать за пределами своей национальной юрисдикции и вмешиваться во внутренние дела других государств в целях сохранения исключительного

контроля зависимых элит сателлитов, технологий, глобальной финансовой системы и доллара/евро как резервной (ключевой) валюты. Правовая оболочка внерыночной конкуренции и вульгарная риторика санкций представляются как борьба за мир и универсальные правила, за рынок и демократию против автократий, хотя являются лишь борьбой за западную гегемонию. Подобные стратегии становятся все более неубедительным прикрытием для действий, которые, будучи совершаемы отдельными людьми, были бы квалифицированы как элементы таких составов уголовных и иных преступных деяний, как шантаж, принуждение, давление, коррупция, угроза, сговор, злоупотребление монопольным положением, терроризм, экстремизм и т.д. Попытки контролировать *свободные* глобальные рынки и ресурсные потоки внерыночными и внеэкономическими методами исключительно в интересах Запада иницируют негативный консенсус ведущих стран Незапада, которые активно консолидируются против подобного *вирусного управления* (Mallard, Sun 2022). В условиях выравнивания радикальной асимметрии центров силы растет запрос на возврат к правовой определенности и многополярности международных отношений, связанных с ограничением двойных стандартов и взаимным признанием суверенитета и ареалов доминирующего влияния ведущих держав.

Мейнстримные описания и способы легитимации социальных порядков, где одни общества и классы являются ресурсной базой для других, а логика *политического реализма* и риторика *саморегулируемого справедливого рынка* не сдерживаются какой-либо моралью, все менее убедительны на фоне усиления незападных акторов, достижения пределов емкости глобальных рынков и трансформации принципов классового взаимодействия при обосновании критериев и объемов доступа к распределению общественных ресурсов (Фишман и др. 2019). Критики мейнстрима обнаруживают, что рыночные коммуникации, сколь бы *естественными* и *универсальными* они ни представлялись, осуществляются по правилам, которые выработаны вне поля экономики, несмотря на претензии экономического мейнстрима не только на автономию, но и на властное определение *универсальных закономерностей* общественного развития (Ефимов 2016: 135-149). Кроме того, западная версия неолибе-

рального политэкономического мейнстрима, связанная с *некритичным масштабированием метафоры рынка на все виды социальных фактов, действий и институтов*, имела и вполне прагматические задачи за пределами *чистой науки*, обусловленные желанием Запада «убедить постколониальные государства по всему миру идти по пути капитализма и держаться подальше от коммунизма» (Поскетт 2024: 13).

Абстрактные деления на *плохую власть над* (господство) и *хорошую власть для* (реализация благих целей), негативную *свободу от* и позитивную *свободу для*, экзистенциальное противоречие между *иметь* и *быть* и тому подобные всеобъемлющие бинарные оппозиции в действительности являются инструментальными. Они призваны доказать моральное превосходство субъекта высказывания, находящегося на стороне привилегированного члена оппозиции. Это превосходство всегда релятивно, так как другие участники дискуссии не менее убедительно могут расставить свои моральные приоритеты диаметрально противоположным образом. В результате понимание *общего блага, универсальных ценностей, демократии, свободы, справедливости, государственного интереса, институциональных правил, признаков прогресса* и иных понятий является бесконечным процессом *интерпретации*, который может поддерживать различные иерархии ценностных предпочтений. Вне подобного легитимирующего контекста власть и влияние всегда являются одним и тем же – реализацией структурных возможностей субъектов, их способности действовать в своих интересах, вне зависимости от того, кто, как и в каких ценностных (моральных) перспективах в дальнейшем будет интерпретировать эти действия и их последствия. Интерпретация всегда будет потенциально множественной и противоречивой, поскольку она зависит от количества вовлеченных заинтересованных и жизненной важности принятых ими решений.

Западный нормативный мейнстрим одновременно является не только языком науки, но и языком власти, транслирующим представления правящего класса Запада о *нормальном обществе и благе для него, а также о естественных иерархиях, необходимых для его стабильного воспроизводства*. Поэтому фундаментальная деколонизация континентов и стран, культур и народов неизбежно связана с критическим пересмотром

отведенного им Западом места в его культурных колониальных иерархиях. Тем более что мейнстримные западные теории существуют не столько для того, чтобы *понять* незападные общества, в отношении которых они применяются, сколько для того, чтобы встроить их в определенные *классификации цивилизованных обществ*, выступающих в качестве целевого образца. В таком контексте апелляция к *универсальным нормам/правилам и общему благу* часто является не более чем дополнительным ресурсом давления на оппонентов при распределении ресурсов и легитимации политических решений. В подобной идеологической перспективе отличия конкретных, одновременно сосуществующих обществ оказываются утрированными западным мейнстримом с целью обоснования морального, политического, технологического и иных видов превосходства одних обществ над другими. Критерии, избираемые для выстраивания базовых бинарных оппозиций, являются либо идеологически ангажированными, либо субъективными (мнение экспертов) (Иванов 2015), либо откровенно второстепенными, например связанными с преходящими эффектами исторической неодновременности. При этом Запад старательно избегает критической рефлексии в отношении самого себя, образуя нечто вроде *слепого* или *белого* пятна на глобальной исследовательской карте социальных наук. При пристальном внимании любой наблюдатель без труда обнаружит в западных обществах те же пороки и недостатки, которые они различают лишь *вовне*, но не в собственной внутренней реальности. Очевидно, что обнаружение *голового короля* нивелирует его авторитет и превосходство, а также право излагать некие бесспорные для других истины.

* * *

Технология конструирования бинарных оппозиций (рынок/план, цивилизация/дикость, разум/эмоции, прогресс/отсталость, демократия/тоталитаризм, современность/архаика, конкуренция/монополия, экстрактивные институты/инклюзивные институты, свобода/рабство и т.д.) и последующего отождествления себя с их привилегированными членами с целью обоснования своего идеологического и морального превосходства окончательно дискредитируется в ситуации общего кризиса привычных метафор и ценностных иерархий западного

мейнстрима. Данные оппозиции превращаются в прокрустово ложе альтернатив, когда якобы обезличенным, естественным и саморегулируемым законам рынка и демократии противопоставляется злая политическая диктатура/гегемония. Очевидно, что ни рынка, ни демократии, которые *справедливы сами по себе*, не существует, как, впрочем, и изначально нелегитимной пирамиды власти, поскольку всякая власть предполагает иерархичность и асимметрию: «...дилемма маскирует и не дает возможность понять то, что рынки – такие же социальные конструкты, как (властные. – В. М.) иерархии» (Ореховский 2020: 25). А будущи конструктами, они предполагают в каждом конкретном случае разнообразные и исторически изменяемые внерыночные условия своего существования.

В условиях глобальной турбулентности привычные объяснения социальных изменений заведомо неспособны справиться с растущими изъянами рыночно-либеральных демократий как идеального типа модерного общества западного мейнстрима, в рамках которого предлагаются все нормативные регулятивные решения. В постзападном поле социальных наук разворачиваются актуальные дискуссии по широкому кругу вопросов: от интерпретации прогресса, свободы, справедливости, сравнительной ценности разных культур и традиций до объемов индивидуальных прав и обязанностей граждан или привилегий разнообразных этнических, сексуальных, религиозных, региональных меньшинств. Аналогична ситуация и с вариативным соотношением назначенных и избранных элит, гражданских свобод и обязанностей, индивидуальными и коллективными приоритетами, динамикой взаимодействия большинства и меньшинств, труда и капитала и т.д.

Исчерпание объяснительного потенциала понятий и нарративов западоцентристской социально-политической мысли, ориентированной на легитимацию совершенства, универсальности и внеисторичности ряда западных обществ, обуславливает продуктивность поиска категориальных альтернатив, которые могут вырабатываться в том числе и в России. Взаимосвязанные иерархии власти, социального знания и ценностных систем социальной регуляции в современном обществе могут изменяться только скоординированным образом. В настоящее время происходит медленная пересборка глобального понятийного словаря

социальных наук, который вместо риторики рыночных метафор, свободного рынка, честной конкуренции и либеральной демократии все чаще демонстрирует реальные способы социальной регуляции современных обществ. Например, способы социальной регуляции, связанные с постоянно растущей долей государства в производстве знания, технологий и распределении всех доступных ресурсов (Маццукато 2021), с пределами капитализма (Валлерстайн 2013: 26-27) или с трансформацией привычной социальной структуры *общества труда* (Мартьянов 2016). Ключевым вопросом становится описание новых закономерностей и ресурсов общества, его механизмов и субъектов, определяющих новые ценностно-институциональные иерархии.

Очевидно, что субъекты новых языков описания общества будут одновременно претендовать и на изменение картины мира и нормативного порядка, на закрепление социальных практик, институтов и структур, которые лучше согласуются с меняющейся национальной и мировой действительностью и в конечном итоге конструируют координаты обновленной социальной реальности и эффективные принципы общественного согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валлерстайн И. 2013. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: кризисы и конфликты : сб. статей / И. Валлерстайн [и др.]. Москва : МАКС Пресс. С. 19–32.

ГоД. 2024. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория / пер. Н.В. Романовского // Социологические исследования. № 1. С. 15–27. DOI 10.31857/S0132162524010028

Дерлугьян Г. 2009. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? // Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года : Первый ежегод. докл. Ин-та обществ. проектирования / отв. ред. М.В. Рогожников, Г. Дерлугьян. Москва : Ин-т обществ. проектирования. С. 13–32.

Дерлугьян Г. (ред.) 2015. Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн [и др.]; под ред. Г. Дерлугьяна. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 316 с.

Ефимов В.М. 2016. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. Москва : КУРС : ИНФРА-М. 350 с.

Иванов В.Г. 2015. «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии

использования и стратегии противодействия. Москва : Инфра-М. 188 с.

Мартьянов В.С. 2007. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург : УрО РАН. 344 с.

Мартьянов В.С. 2016. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. № 10. С. 139–148.

Мартьянов В.С. 2021. В поисках другого мейнстрима // Полит. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI 10.17976/jpps/2021.04.09

Маццукато М. 2021. Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 408 с.

Морозов В.Е. 2013. Права человека и эмансипация // Политическая наука. № 4. С. 51–68.

Ореховский П.А. 2020. Ф. фон Хайек: изобретение врага и современный неолиберализм // Вопросы регулирования экономики. Т. 11, № 4. С. 22–29. DOI 10.17835/2078-5429.2020.11.4.022-029

Поскетт Дж. 2024. Незападная история науки : Открытия, о которых мы не знали. Москва : Альпина Паблишер. 496 с.

Фишман Л.Г. 2019. Бумеранг возвращается? // Свободная мысль. № 1. С. 15–22.

Фишман Л.Г. и др. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л.Г. Фишман Л.Г., В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 416 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1913-4

Цыганков А. 2022. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 6. С. 10–21. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-6-10-21

Чанг Х.-Д. 2018. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. Москва : Манн, Иванов и Фербер. 256 с.

Mallard G., Sun J. 2022. Viral Governance: How Unilateral U.S. Sanctions Changed the Rules of Financial Capitalism // American Journal of Sociology. Vol. 128, № 1. P. 144–188. DOI 10.1086/719925.

Viktor S. Martyanov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

Unmasking the King: The Falsification of the Western Mainstream

Abstract. The mainstream of social sciences is associated with the formation of a normative picture of modern world societies. Thus,

the mainstream belongs to whoever has the greatest influence and opportunity to promote and disseminate his views. In this context, it is difficult to separate any description of the social world and its regularities from the establishment of the very rules of its functioning. The current historical weakening of the West and strengthening of non-Western centres of power are redistributing spheres of global influence. While the non-West is rapidly gaining technological and resource autonomy, residual colonial thinking and imaginary global hierarchies remain more stubbornly intractable. A better world inevitably emerges from a conflict in which the parties lose their former illusions about themselves and their place in the world, take stock of their own resources, and adopt pragmatic negotiating positions on fundamental issues. In this context, the goal of socio-political theories is always not only the search for truth about society, but also the value-institutional leadership of the subjects of these theories in the interpretation of post-Western Modernity. One of the key issues in the global transformation of the mainstream of social sciences, cultural and political economic hierarchies is the legitimisation of long overdue changes in which non-Western participants in conflict interactions are increasingly invested. Consistent opposition to the West implies the role not of a habitually humiliated traditionalist opposition, but rather in an active contestation of Western hegemony in the interests of a broader, fairer and more global version of Modernity. Russian society currently has the capability to serve as a system-forming moral and political subject of such a version of Modernity.

Keywords: mainstream; West; Modernity; Contemporaneity; friend-enemy; centre-periphery; binary codes; transitology; legitimation; social change

Леонид Гершевич Фишман
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5062-8291
ResearcherID: K-2346-2018
SPIN-код: 8725-9656

Модерн и традиция – ложное противостояние?

Аннотация. В статье показывается, что противостояние России и Запада часто осмысливается как противостояние Модерна и традиции. Однако в силу ряда причин из этого вытекает, что мы уступаем Западу монополию на Модерн, при этом оставаясь со вчерашней версией современных ценностей. В условиях, когда у нас нет собственного достаточно четко артикулированного понимания сущности Модерна, все это дезориентирует и в конечном счете является проигрышным в плане идеологической стратегии. Утверждается, что эта проигрышная стратегия проистекает из жесткого теоретического противопоставления Модерна и традиции. Доказывается, что более продуктивный подход заключается в рассмотрении Модерна как постоянно воспроизводящегося пространства альтернативности. Это пространство исторически вырастает из столкновения социально-политических субъектов, порожденных продуктами «цивилизации» (городом, государством, классами, сословиями, наукой, религией и пр.) и «общинами», архаическими общностями разного рода, которые отчасти приспособляются к давлению цивилизации, отчасти ему противостоят, уклоняются от него. Показано, что не существует весомых оснований для жесткого противопоставления Модерна и традиции. Модерн не сводится ни к высокому модернизму, ни к деспотизму рациональности и «цивилизации» и невозможен без того, что называется традицией в каждый конкретный исторический период. В то же время то, что обычно называют традицией, не существует вне связи с высоким модернизмом, с которым вместе они и составляют актуальный Модерн.

Ключевые слова: альтернативность, высокий модернизм, деспотизм, Модерн, прогресс, традиция, цивилизация

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки

перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Противостояние России и Запада часто осмысливается как противостояние Модерна и традиции – обществ современных, в которых традиция стала воспоминанием, и общества все еще в большей степени традиционного. Подтверждение этому можно без труда найти как в работах российских гуманитариев (см., напр.: Кара-Мурза 2004), в том числе негласно считающихся чуть ли не официальными идеологами¹, а также так и в риторике российских государственных деятелей самого высокого уровня. При этом ряд признаваемых однозначных российских и советских достижений ассоциируется именно с Модерном, а с традицией – в гораздо меньшей степени и с оговорками. И то, что называется традицией, при ближайшем рассмотрении оказывается не вполне традицией, по крайней мере, явно не наследием мифического «традиционного общества»:

«К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»².

Тем не менее, поскольку в официальной риторике явный акцент делается на традицию, а различные современные фе-

¹ Чернов А. Александр Дугин рассказал о традиционных ценностях в России. Дугин: западная цивилизация отрицает все традиционные ценности, 20.09.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21327355.shtml> (дата обращения: 12.10.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.10.2024).

номены осуждаются (например, когда за это берется РПЦ, обличая гуманизм и т.д.), получается, что мы уступаем Западу монополию на Модерн, а сами при этом остаемся со вчерашней версией современных ценностей (потому что мы теперь «настоящая Европа»³), которые почему-то называем традиционными. В условиях, когда у нас нет своего достаточно четко артикулированного понимания сущности Модерна, все это дезориентирует и в конечном счете является проигрышным в плане идеологической стратегии.

Обе указанные выше идеологические стратегии исходят из неадекватного представления о том, что такое Модерн. В этом понимании Модерн сводится, с одной стороны, к «высокому модернизму», а с другой – к индивидуализму и вытекающим из него саморазрушительным тенденциям. (Такой расколотый внутри себя Модерн противопоставляется абстрактной традиции, восходящей к схематичному, идеально-типическому традиционному обществу. Последнее почти неизменно и основано на неких «вечных ценностях». Прибегающих к такой риторике не смущает, что при попытках сформулировать данные ценности возникает либо откровенная полуэзотерика (как у так называемых традиционалистов Запада (см. об этом: Sedgwick 2023) и их отечественных эпигонов), либо нечто на поверку сугубо современное, как у современных западных правых и наших официальных патриотов.) Эти два аспекта, как очевидно, плохо сочетаются на уровне нарратива, так что в политической плоскости можно принять только одну из сторон, пренебрегая другой, что мешает достижению общественного согласия, обостряет противостояние и делает весьма проблематичным выход из внутри- и внешнеполитических кризисов.

Более продуктивный подход, по нашему мнению, заключается в том, чтобы рассматривать Модерн в первую очередь как постоянно воспроизводящееся пространство альтернативности. В этом пространстве «можно констатировать одновременность сосуществования и наложение в разных сферах жизни реципрокных (дарообменных, семейных, клановых), дистрибутивных и рыночных отношений, а также постепен-

³ *Караева Е.* Настоящая Европа нашла убежище в России // РИА Новости. 2 июля 2022. URL: <https://ria.ru/20220702/evropa-1799708503.html>

ное изменение их пропорций в долгом историческом времени в пользу последних» (Мартьянов 2022: 49). Пространство альтернативности Модерна исторически вырастает из столкновения социально-политических субъектов, порожденных продуктами «цивилизации» (городом, государством, классами, сословиями, наукой, религией и пр.) и «общинами», архаическими общностями разного рода, которые отчасти приспосабливаются к давлению цивилизации, отчасти ему противостоят, уклоняются от него. Как отмечает Дж. Скотт, в цивилизационном дискурсе, к которому по большей части восходит «высокий модернизм», государство и присущие ему практики, какими бы репрессивными и деспотичными они ни были, считаются находящимися на правильной стороне истории – на стороне прогресса. Они по отношению к негосударственным образам жизни выглядят передовыми и развитыми. При этом они живут часто за счет негосударственной периферии, получая оттуда различные ресурсы и в первую очередь потенциальных подданных: рабов или более-менее вынужденных переселенцев. Негосударственная периферия приобщается к прогрессу и цивилизации через обмен или рабство (Скотт 2017: 21). «Что удивительно в этом цивилизационном дискурсе, так это то, что он все еще остается в силе. ...Он сохраняется, несмотря на наше нынешнее понимание, что *в течение тысячелетий люди постоянно курсировали сквозь полупроницаемую мембрану между “цивилизovanностью” и “нецивилизovanностью” или “пока-еще-нецивилизovanностью”* (курсив мой. – Л. Ф.). Он выживает, невзирая на то, что в истории всегда были и продолжают существовать общества, в социальном и культурном отношении занимающие промежуточное положение между двумя обозначенными полюсами» (Скотт 2017: 153).

Поэтому если практика цивилизации совпадает с практикой деспотизма, то и дискурс о цивилизации изначально обращает на это внимание. В Европе это вполне осознается в эпоху Просвещения. С точки зрения Руссо, Мабли и ряда других деятелей Просвещения, цивилизация и прогресс в истории человечества идут рука об руку с деспотизмом и моральной порчей. И это не менее обоснованная точка зрения, чем вырастающая из оптимистического провиденциализма Кондорсе, ставшего основой «религии прогресса». Это, если угодно, тот самый

аспект «диалектики Просвещения», о котором писали Адорно и Хоркхаймер и к которому они возводили фашизм; та линия цивилизации и прогресса, которая ведет «от Канта к Круппу», к «реакционному модернизму». В таком понимании Модерн, подытоживает А. Реквиц, сводится к «социальной логике общего», которая требует «стандартизации, формализации и общности всех элементов социального», занимается «всеобъемлющей генерализацией мира» и являет собой «процесс формальной рационализации», создающий «масштабные комплексы просчитываемых правил» (Реквиц 2022: 23-24). Лежащий в основе этих комплексов правил и стратегий высокий модернизм и есть в значительной мере «дискурс о цивилизации» – «рационализация и стандартизация, перевод сложного и причудливого социального иероглифа в наглядный и административно более удобный формат» (Скотт 2005: 19). «Введенные таким образом социальные упрощения, – указывает Дж. Скотт, – не только позволяли более точно наладить сбор налогов и исполнение воинской повинности, но и вообще значительно расширили возможности государства» (Скотт 2005: 19).

Следовательно, высокий модернизм в большей степени отражает не стремление к свободе и индивидуализму, а скорее стремление к прогрессу и порядку. Он рождается часто как деспотическая, централизаторская, государственная и т.п. альтернатива параллельно существующей общинности с ее не менее принудительным по отношению к индивиду социальным порядком. Практики и описывающие и легитимизирующие это вновь возникшее состояние альтернативности нарративы становятся основанием того, что называется свободой. Романтический революционный протест индивида против прогресса, рациональности и порядка, опирающийся среди прочего и на идеализированное представление о прошлом, является частью Модерна, не сводимой к высокому модернизму и дискурсу о цивилизации. Здесь следует обратить внимание на наличие сильного мотива отсылки к романтизированному прошлому в ранних буржуазных революциях, пронизанных религиозным пафосом, легитимированных отсылками к истинно христианской жизни прежних поколений, фундаменталистских по духу. В секуляризованном виде возвращение к истинной праведности замещается возобновлением нарушенного древнего

общественного договора, возвращением к природе, словом, к попорченным деспотизмом традиционным ценностям. В романтической апологии революции эпохи раннего Модерна немалую роль играет апелляция к живительной силе «варварства», призванного установить царство свободы и справедливости. Эта сила противопоставляется бесплодному рационализму классического периода, который ассоциируется скорее с деспотизмом. Иными словами, революция для Модерна воплощает принцип воспроизводства альтернативности, который должен постоянно присутствовать или его присутствие должно имитироваться как некий постоянный фон отложенной революции.

Создающееся описанным выше образом пространство альтернативности становится: а) основанием для возникновения феномена традиции как совокупности практик, альтернативных деспотизму цивилизации и прогресса, но внутри себя нередко столь же деспотичных; б) предпосылкой становления свободы и индивидуализма – возможностью выбирать между разными видами деспотизма, а также условием развития, прогресса; в) отправным моментом политических, философских, религиозных дискурсов, пытающихся преодолеть характерный для эпохи капитализма и Модерна «моральный коллапс» (Мартынов, Фишман 2012) и осмысливающих это состояние альтернативности в различных аспектах.

Иными словами, цивилизация в ее широком понимании как сочетания прогресса и калькулирующей принудительности вместе с традицией образует пространство альтернативности и свободы, которое и есть Модерн. В конечном счете Модерн – это совокупность установок, ценностей и институтов, выросших из ситуации расширяющегося выбора – принципиальной альтернативности. А человек эпохи Модерна – это кантовский просвещенный индивид, который обладает возможностями воспользоваться наличием альтернатив, поскольку нашел в себе силы выйти из «состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине», и научился «пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» (Кант 1966: 25). Иначе говоря, человек эпохи Модерна научился выбирать из того, что воспринимается им как традиция, нужное и уклоняться от всего остального. Это и определяет облик того, что он по инерции продолжает *считать* традици-

ей. Поэтому воспроизводство Модерна невозможно без того, что считается традицией на каждом конкретном историческом этапе. Но что считать традицией, к которой желает апеллировать человек эпохи Модерна? Показательно, что человек Модерна имеет дело со *смягченной наличием альтернативы традицией*. Здесь мы сталкиваемся примерно с той же ситуацией, что и в области религии, о которой пишет Ч. Тейлор: вера в Бога в 1500 г. не то же самое, что вера в Бога в 2000 г., хотя с точки зрения догматов изменения могут быть минимальны (Тейлор 2017: 17). Причина заключается в том, что в 1500 г. религиозность практически безальтернативна, в то время как в 2000-м она – один из допустимых вариантов мировоззрения. Таким же образом существование придерживающихся традиции сообщества в рамках «большого общества» Модерна меняет как содержание традиции, так и отношение к ней, сглаживая те ее моменты, которые могли производить отталкивающее впечатление в ситуации безальтернативности. Из этого, в частности, вытекает романтизм как мировоззрение, согласно которому «раньше было лучше». Поскольку он является экстраполяцией в прошлое очищенной и укрощенной традиции, конечно, такое прошлое обретает черты утраченного эдемского сада. И отсылка к этому полумифическому прошлому до определенной поры активно участвует в воспроизводстве пространства альтернативности, характерном для Модерна.

Поэтому классическим примером страны наиболее успешного Модерна долгое время являлись США с их уникальным сочетанием высокого модернизма и локальной приверженности традиции, восходящей к практике протестантских церквей и сект. Бодрийяр не случайно считал именно Америку оригинальной, на голову превосходящей европейскую версию современности, воплощенной утопией. Но содержание этой утопии не исчерпывалось «буржуазными» и просвещенческими идеалами рациональности и прогресса. Не в последнюю очередь это была утопия бегства от цивилизации и культуры в природную и отчасти архаичную (если угодно, «индейскую») альтернативность им. Показательно поэтому утверждение Бодрийяра, что европейцам, в отличие от американцев, «недостает души и дерзости того, что можно было бы назвать нулевой степенью культуры, силой не-культуры» (Бодрийяр 2000: 153). Иными

словами, стать подлинным Модерном можно, только сочетая «нулевую степень культуры» с известной долей утопизма высокого модернизма и преломленной через раскол и ересь традиции⁴. «Основатели Новой Англии, – писал по этому поводу А. Токвиль, – были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами» (Токвиль 1992: 53). Но чем, в сущности, являлся протестантизм деноминаций, населивших первоначально Америку? Он был следствием выбора той части духовного наследия, которая считалась приемлемой для *современного* человека и поэтому закладывалась в основание частной сектантской утопии на новой земле, вдали от деспотизма «цивилизации» и принуждения ортодоксальной церковной традиции. Речь шла, таким образом, о религиозных и моральных практиках, ставших предпосылками современной альтернативности. Взятые сами по себе, они, быть может, и не слишком отличались от традиционно-ортодоксальных, а порой и превосходили их в части суровой принудительности⁵. Но, перенесенные через океан, получив возможность для утопической реализации и столкнувшись с другими подобными им по духу практиками, они образовали в своем роде образцовое пространство современной альтернативности – американский образ жизни и свободу.

Все это не означает, что Америка может быть примером для тех, кто желает культивировать у себя Модерн, в прямом и примитивном смысле – как образец, с которого копируют религии, политические институты, идеологии и т.д. Собственно, как раз не слишком впечатляющая успешность подобных стратегий была

⁴ Бодрийяр замечает, что «американцы, отгороженные океаном, просторы которого сделали из них что-то вроде острова во времени, сохранили в целостности и сохранности утопическую и моральную перспективу мыслителей XVIII века или даже пуританских сект XVII века, трансплантированную и укрытую в надежном месте от всех исторических перипетий» (Бодрийяр 2000: 166). Показателен этот элемент устарелости, несовременности, отсталости Америки – «остров во времени», – который тем не менее и делает Америку флагманом Модерна.

⁵ Данное обстоятельство отмечал А. Токвиль, когда оценивал демократически принятые некоторыми общинами законы как «либо странные, либо тиранические», причем «в этом обществе нравы были еще более строгими и более пуританскими, нежели сами законы» (Токвиль 1992: 51).

отмечена уже давно. Если рассматривать Модерн как описанное выше пространство альтернативности, то имеет смысл культивировать и сохранять *конфигурацию практик*, способствующую его воспроизводству, притом что сами по себе такие практики могут оказаться достаточно авторитарными. Само собой разумеется, что данная конфигурация всякий раз будет уникальной в силу различного национально-культурного наследия.

Сказанное выше означает, что не существует весомых оснований для жесткого, предельно идеологизированного противопоставления Модерна и традиции. Модерн не сводится ни к высокому модернизму, ни к деспотизму рациональности и цивилизации, и поэтому он невозможен без того, что называется традицией в каждый конкретный исторический период. Того, что мы называем традицией, просто не существует вне связи с высоким модернизмом, с которым вместе они и составляют актуальный Модерн. Сводить актуальное пространство своей уже существующей современной альтернативности к примату «традиционных ценностей» и противопоставлять его абстрактному Модерну – значит противопоставлять друг другу части неразделимого целого.

Поэтому ключевая задача для тех, кто не готов расстаться с пространством современной альтернативности, заключается в том, чтобы поддерживать это пространство путем: а) сопротивления попыткам его нивелирования, с чьей бы стороны они ни исходили, и б) поощрения позитивной альтернативности образов жизни, быта и иных проявлений реальной свободы. На глобальном уровне эту роль сейчас играет Россия, сохраняя своими усилиями пространство выбора для наибольшего числа субъектов международных отношений. Эти внешние усилия необходимо дополнить внутренними, поощряющими гражданскую инициативу и инновации в различных областях вместо бесплодного и дезориентирующего противостояния «модернистов» и «традиционалистов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бодрийяр Ж. 2000. Америка. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 208 с.

Кант И. 1966. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения : в 6 т. Москва : Мысль. Т. 6. С. 25–36.

Кара-Мурза С.Г. 2004. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. Москва : Эксмо : Алгоритм. 637 с.

Мартьянов В.С. 2022. Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна // Антиномии. Т. 22, вып. 3. С. 42–71. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_42

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2012. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования. № 1. С. 63–75.

Реквиц А. 2022. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна. Москва ; Берлин : Директмедиа Паблшинг. 400 с.

Скотт Дж. 2005. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. Москва : Университет. кн. 576 с.

Скотт Дж. 2017. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Москва : Новое изд-во. 568 с.

Тейлор Ч. 2017. Секулярный век. Москва : Изд-во ББИ. 967 с.

Токвиль А. 1992. Демократия в Америке. Москва : Прогресс. 559 с.

Sedgwick M. 2023. Traditionalism: The Radical Project for Restoring Sacred Order. New York : Oxford Univ. Press. 432 p.

Leonid G. Fishman

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru

Modernity and Tradition – a False Confrontation?

Abstract. This article examines the confrontation between Russia and the West, often framed as a struggle between Modernity and Tradition. This perspective, however, risks ceding the monopoly on Modernity to the West while leaving us with an outdated understanding of modern values. In the absence of a clearly articulated concept of Modernity, this disorientation poses a significant ideological challenge. The article argues that this challenge stems from a rigid theoretical dichotomy between Modernity and Tradition. A more productive approach would be to view Modernity as a continuously evolving space of alternatives. This space emerges from the clash between socio-political entities – such as cities, states, classes, science, and religion – and various archaic communities that adapt to, resist, or evade the pressures of civilization. The study reveals that there are no substantial premises for a strict opposition between Modernity and Tradition. Modernity cannot be reduced solely to high modernism or the despotism of rationality and civilization; it inherently involves elements of Tradition at each

historical juncture. Conversely, what is typically termed “tradition” cannot exist independently of its connection to high modernism. Together, they shape our current understanding of Modernity.

Keywords: alternative; high modernism; despotism; Modernity; progress; tradition; civilization

Николай Александрович Шавеко
Институт государства и права РАН,
г. Москва, Россия
E-mail: shavekonikolai@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5481-7425
ResearcherID: K-4637-2018
SPIN-код: 3004-0891

Традиционные российские ценности: проблемы определения и обоснования их перечня

Аннотация. Понятие «традиционные ценности» активно используется в российском публичном пространстве и законодательстве. Однако для того, чтобы защита традиционных ценностей могла быть нормативно обоснована, следует уточнить смысл указанного понятия посредством ответа на ряд вопросов. В противном случае понятие традиционных ценностей будет использоваться конъюнктурно, зачастую вообще лишь в качестве «пустого знака», а сплачивающий эффект политики защиты традиционных ценностей будет невысоким. Так, необходимо определиться, к какой из двух традиций – православной патриархальной или советской – мы обращаемся и какие ценности – прошлого или настоящего – хотим защищать. Мы также должны определиться, какие устои считаем достойными сохранения, а какие нет, ведь в любом обществе укоренены как ценности, так и то, что можно назвать антиценностями. Кроме того, нельзя обойти вниманием вопрос о том, чьи духовно-нравственные традиции мы защищаем: традиции единой российской нации или традиции населения исторических государств, которые можно назвать российскими; традицию элиты соответствующего социума или традицию большинства его членов. Наконец, если задачей, которая преследуется с помощью защиты традиционных ценностей, является сохранение «цивилизационных» особенностей, то необходимо отыскать дополнительные основания для защиты ценностей, которые свойственны не только россиянам, но и претендуют на статус общечеловеческих. В целом сама по себе защита традиционных ценностей может быть морально обоснована, однако для того, чтобы выработать такие обоснования применительно к защите российских духовно-нравственных ценностей, о которой заявляют политические акторы и о которой говорится в ряде нормативно-правовых актов Российской Федерации, необходимо ответить на все вышеуказанные непростые вопросы.

Ключевые слова: традиционные ценности, консерватизм, цивилизация, национальная идентичность, российское мировоззрение

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. С начала 2010-х гг. в российском публичном пространстве стало все чаще фигурировать понятие «традиционные ценности», которое использовалось российскими властями для обоснования консервативного поворота во внутренней политике и противопоставления ее политике западных либеральных демократий. Примечательно, что в еще в 2012 г. в послании Федеральному собранию В. Путин впервые назвал Россию государством-цивилизацией со своим уникальным опытом¹. В 2013 г. в очередном таком послании, отстаивая необходимость защиты традиционных ценностей, президент впервые заявил о данной позиции как о консервативной² и впоследствии в своих выступлениях неоднократно подтверждал свою приверженность защите традиционных ценностей и консерватизму. Так, в 2021 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай» он назвал умеренный (здоровый) консерватизм основой политического курса России³. Параллельно

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 [О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699/page/2> (дата обращения: 03.09.2024).

² См.: Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 [О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/3> (дата обращения: 03.09.2024).

³ См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975> (дата обращения: 03.09.2024).

с этим менялось и российское законодательство. Еще в 2013 г. была введена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). В 2015 г. в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации впервые была предпринята попытка дать перечень российских традиционных духовно-нравственных ценностей⁴. Несколько измененный перечень таких ценностей был закреплен в новой Стратегии в 2021 г.⁵ В 2020 г. в Конституцию России были внесены поправки, уполномочивающие правительство Российской Федерации сохранять традиционные семейные ценности (ст. 114), а также характеризующие веру в Бога как то, что досталось российскому народу от предков (ст. 67.1)⁶. Наконец, в 2022 г. указом президента РФ были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, где вновь приведен перечень таких ценностей⁷, а в 2023 г. в Концепции внешней политики Российской Федерации⁸ и в ряде устных выступлений В. Путина вновь закреплен статус России как самобытного государства-цивилизации. Сегодня российское государство продолжает предпринимать попытки обосновать историческое и культурное единство российской нации через отстаивание традиционных ценностей.

⁴ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.09.2024).

⁶ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> (дата обращения: 03.09.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 03.09.2024).

⁸ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 03.09.2024).

Но стоит ли за этой государственной политикой, основанной на конкретном наборе традиционных ценностей, какое-либо теоретическое (идеологическое) обоснование? Здесь, как представляется, обнаруживается ряд проблем. В настоящей статье будет сформулирован ряд вопросов, на которые, по мнению автора, необходимо дать четкий ответ для того, чтобы составить перечень традиционных ценностей, апелляция к которому могла бы стать отражением последовательной идеологической позиции, лежащей в основе столь же последовательной государственной политики. Каждый раздел статьи будет посвящен одному из таких вопросов. Но предварительно обозначим, что далее под ценностями будет пониматься предельно широкий круг явлений, значимых для индивида и общества, а под традициями – любая регулярная социальная практика прошлого. Таким образом, эти понятия будут использоваться в значениях, приближенных к обыденным, а проблемы, связанные с их точным определением, останутся за рамками данной статьи.

Ценности прошлого или ценности настоящего? Первая проблема, которая возникает при обсуждении традиционных российских ценностей, связана с особенностями отечественной истории: в XX в. на наших землях дважды рушились старые ценностные порядки и возникали новые. Так, получив власть в 1917 г., большевики не просто разрушили все прежние государственные институты, но и радикальным образом отказались от ценностей, доминировавших в царской России (патриархальная большая семья, православная вера, монархическое правление и т.п.). Сторонники «старых ценностей» либо уехали из страны, либо подверглись репрессиям. После этого выросло несколько поколений людей, для которых устои Российской империи являлись анахронизмом. Но в 1990-х гг. была отвергнута уже коммунистическая идеология и связанные с ней ценности. Выросли поколения, для которых устои советского общества (включая культ производительности, стремление к радикальному уравниванию и чрезмерную приверженность коллективу) – такой же анахронизм, как для коммунистов царская Россия. Правда, если коммунисты, захватив власть, стали преследовать своих идеологических противников, то в 1990-е гг. никто коммунистов не преследовал, поэтому смена поколений происходит более-менее плавно. Но она все же происходит. И эта

ситуация приводит к тому, что те ценности, которые свойственны современному российскому обществу, зачастую не совпадают ни с ценностями царской России, ни с ценностями советской России. В этих условиях стремление сохранить национальную самобытность может вступать в противоречие с традицией, отвергнутой дважды за столетие. Очевидно, например, что современные россияне гораздо менее религиозны, чем жители Российской империи, но, в отличие от большинства населения Советского Союза, редко разделяют коммунистические идеалы; исследования также показывают, что нынешние россияне в большей степени придерживаются индивидуалистических ценностей, чем их предки (Магун, Руднев 2021; Магун 2023). Соответственно, первый вопрос, на который следует ответить в рамках теоретического обоснования государственной политики защиты традиционных ценностей, таков: действительно ли те ценности, которые подлежат защите, являются традиционными или же это совершенно новые ценности?

Ценности и антиценности. Второй вопрос связан с тем обстоятельством, что любому обществу присущи как позитивные, так и негативные характеристики, причем их классификация в качестве таковых не всегда очевидна. Например, описывая современное российское общество, исследователи нередко утверждают, что ему свойственны достоящая высокая толерантность к коррупции (Максименко и др. 2020)⁹; правовой нигилизм (Захарцев 2015), политическая пассивность и апатия (Давыборец 2015: 59, 61), неразвитость гражданского общества и частной инициативы (Висханова 2017) и т.п. Причем нередко данные характеристики рассматриваются как глубоко укоренившиеся в силу объективных причин в истории и культуре российского народа. Обращаясь к предшествующим периодам истории, можно привести и другие примеры. Так, в начале XX в. государственная власть в России пришла к четкому осознанию неэффективности сельской общины как хозяйственной единицы и необходимости во благо нормального экономического развития страны разрешить крестьянам свободный выход

⁹ См. также: Результаты социологического исследования ВШЭ 2018 г. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/10/16/issledovanie-pokazalo-chto-rossiyane-vse-uvazhitelnee-otnosyatsya-k-korrupcii.html> (дата обращения: 03.09.2024).

из общины (на хутор или на отруб). Однако многие крестьяне не приняли эту реформу, видя в общине ценность, достойную сохранения (Фёдоров 2000: 264; Козлов 2007: 22). В советский же период истории многие граждане видели большую ценность в плановой экономике и распределительных механизмах, мешавших экономическому развитию и приводивших к застою. Таким образом, традиционными могут оказаться ценности устаревшие, которые вовсе не следует защищать. К тому же сама оценка традиции как достойной продолжения или, наоборот, устаревшей связана с моральными позициями, относительно которых в обществе существуют серьезные разногласия. Вообще, ценности остаются актуальными, лишь если они постоянно переосмысливаются в соответствии с новыми реалиями, и в этом плане традиция постоянно «изобретается» (Фишман 2023). Так какую же именно часть традиции мы желаем сохранить? Или, иными словами, какую именно традицию мы хотим изобрести?

Ценности нации и ценности населения. Следующий вопрос можно сформулировать таким образом: чьи именно традиционные ценности? В современном российском политическом дискурсе говорится о «российских ценностях», но такая характеристика теоретически может относиться либо к российской нации, либо к населению российского государства. Применительно к современности эти два аспекта неразличимы, поскольку постоянно проживающее в России население и представляет собой российскую гражданскую нацию. Однако когда мы обращаемся к традиции, то должны принимать во внимание, что история нации и история государства не совпадают ни содержательно, ни хронологически. Рассмотрим поэтому оба указанных варианта.

Если мы говорим о ценностях, традиционно распространенных среди населения того или иного государства, то в попытке отыскать точку, с которой необходимо начинать изучение таких ценностей и их эволюции, мы упираемся в вопросы о понятии государства и о правопреемстве государств, поскольку только ответы на эти вопросы могут дать представление о том, где берет начало рассматриваемое государство. Так, современное российское государство образовалось 12 июня 1990 г., когда была принята Декларация о государственном суверенитете

РСФСР. Позже, 25 декабря 1991 г., РСФСР была переименована в Российскую Федерацию. При этом власти Российской Федерации неоднократно позиционировали данное государство как «продолжателя» СССР. С 2020 г. статус Российской Федерации как правопреемника СССР закреплен в конституции (ст. 67.1). Однако статус самого Советского Союза как правопреемника Российской империи вызывает куда больше вопросов (см. подробнее: Томсинов 2011). Проблемы связаны не только различными трактовками исторических фактов, но и с неразвитостью международного права начала XX в. Заметим также, что публично-политические образования Древнего мира и Средних веков могут не удовлетворять современным определениям государства как такового. В итоге изучение традиционных российских ценностей с точки зрения анализируемого подхода должно предваряться обоснованием того, что Древнерусское государство, Московия, Российская империя, СССР и Российская Федерация действительно должны рассматриваться как правопреемники.

Традиционные российские ценности можно также рассматривать как принадлежность и характеристику российской нации. Однако в этом случае приходится ставить вопрос о том, когда именно данная нация возникла. В рамках конструктивистского подхода основными историческими факторами, повлиявшими на формирование национальной идентичности, являются развитие печати и грамотности, утверждение единых языковых норм, становление общих рынков, урбанизация, появление избирательных прав, государственных праздников и единого понимания истории. Принимая во внимание эти факторы, можно утверждать, что становление великорусской нации происходило в период с XVII по начало XX в. Но при этом русские (великорусы) – даже когда в их число включались принявшие православие неславянские этносы – противопоставлялись иноверцам (напр., татарам), а о единой гражданской нации («россиянах») в условиях самодержавия говорить не приходилось. В свою очередь большевики, придя к власти, стали продвигать уже гражданскую идентичность «советского народа». Этот новый «советский народ» объединял славянское и неславянское, православное и иное население РСФСР с населением других союзных республик, поэтому условий для формирова-

ния отдельной российской идентичности попросту не было. И лишь в 1990-е гг. термин «россияне» закрепился в качестве политнонима¹⁰, а в повестку дня вошло формирование общенациональной гражданской идентичности. По всей видимости, можно утверждать, что, несмотря на использование термина «россияне» в тех или иных значениях еще с XVI в., российской нации как таковой всего чуть более 30 лет. Но если так, то говорить о свойственных этой нации ценностных традициях, вероятно, еще слишком рано.

Ценности элиты и ценности простонародья. Говоря о традиционных ценностях, мы неизбежно обращаемся к истории, будь то история народа или история государства. Однако зачастую исторические источники не позволяют нам с уверенностью говорить о тех ценностях, которые разделялись большинством, ведь до нас дошли только продукты культурного творчества элиты.

Например, древнерусская литература насквозь пронизана христианскими нравочтениями. Но значит ли это, что большинство населения Киевской Руси XI–XIII вв. было православным, причем не просто крещеным и формально соблюдающим православные обряды, но и действительно разделяющим основные христианские ценности (такие, как братская любовь даже по отношению к чужакам, прощение и смирение, подчинение всей жизни цели внутреннего преображения и спасения)? Широко известный феномен двоеверия (Живов 2002) позволяет в этом усомниться.

В целом можно сказать, что элита общества – это его локомотив, она задает направление развития, поэтому ценности элиты всегда в той или иной степени отличаются от ценностей народной массы. Это видно и на примере российской истории. В X в. князь Владимир избрал официальной религией христианство, в XV–XVI вв. московские правители принялись строить православное царство на самодержавных началах, в XVII в. патриарх Никон изменил дорогие народным массам формальные аспекты православной веры, в XVIII в. Петр I сделал

¹⁰ *Тишков В.А.* Россияне, 29.11.2023 // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/rossiiane-7a69bc/?v=9156986> (дата обращения: 03.09.2024).

решительный выбор в пользу европейской культуры и регулярного государства, в XX в. сначала большевики повели массы навстречу коммунистическому идеалу, а потом либералы – навстречу демократии и правовому государству. Во всех этих случаях речь шла о ценностном выборе. Стоит ли говорить, что народные массы зачастую были не просто чужды новым ценностям, но и активно против них боролись? Церковный раскол и Гражданская война – самые яркие тому примеры.

Но проблема не только в том, что ценности элиты и народных масс различны. В конце концов, очевидно, что сословное, классовое и иное социальное неравенство заставляет людей по-разному смотреть на одни и те же социальные институты и практики. Проблема скорее в том, что о ценностях простонародья исторической информации значительно меньше, чем о ценностях элит, а потому беглый взгляд на историю может вообще игнорировать традиции, свойственные большинству членов той или иной общности.

Итак, вопрос, на который мы должны ответить, следующий: традиционные ценности какого именно социального слоя мы хотим перенимать и защищать, и если речь идет о широких народных массах (простонародье), то насколько нам вообще известны традиции глубокой древности?

Цивилизационные отличия или общечеловеческие ценности? Последний вопрос, возникающий в связи с проведением политики защиты российских традиционных ценностей, обусловлен позиционированием указанных ценностей в публичном пространстве как цивилизационных, то есть отличающих Россию от других цивилизаций и определяющих ее самобытность.

Проблема здесь возникает даже не потому, что в науке отсутствует консенсус относительно понятия цивилизации и его эвристической ценности (Яковенко 1999), а потому, что трактовка традиционных ценностей как самобытных и составляющих основу общенациональной гражданской идентичности заставляет подчеркивать именно такие ценности, которые отличают Россию от других стран. В свою очередь общечеловеческие ценности, разделяемые также и россиянами, могут быть не менее значимыми, но они уже не укладываются в указанную трактовку.

Однако если мы обратимся к перечням традиционных ценностей, содержащихся в вышеупомянутых стратегиях национальной безопасности Российской Федерации (2015 г. и 2021 г.), то обнаружим, что подавляющее большинство традиционных ценностей из указанных перечней являются, в сущности, общечеловеческими, или по крайней мере легко могут быть истолкованы в качестве таковых (в первую очередь это жизнь, достоинство, права и свободы человека, крепкая семья, созидательный труд, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, патриотизм, гражданственность, высокие нравственные идеалы, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение). Даже такие названные президентом России традиционные ценности, как приоритет духовного над материальным и коллективизм, вполне могут быть рассмотрены как общечеловеческие в зависимости от того, как понимать духовность и как ценность коллективизма будет соотноситься с ценностью прав и свобод человека. В любом случае такие признаки российской цивилизации, как авторитарная власть и православная вера, выделяемые известными представителями так называемого цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби и др.), в рассматриваемых стратегиях не упоминаются. Напротив, в них подчеркивается традиционная многоконфессиональность России; упоминание же среди традиционных ценностей прав и свобод человека можно рассматривать как тезис о необходимости защиты демократических устоев.

Таким образом, встает вопрос: защите подлежат только те традиционные ценности, которые выражают самобытность России и российской нации, или также те, которые разделяются всей человеческой цивилизацией?

Заключение. В настоящей статье за аксиому был взят тезис о том, что ценности могут и должны подлежать государственной защите. Не оспаривалось и то, что для преодоления кризиса идентичности может быть задействована политика памяти (Гапоненко 2020). Однако для того, чтобы подвести под политику защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей идеологическое обоснование и сделать эту политику последовательной, необходимо дать аргументированный ответ на ряд вопросов:

1. Если традиция оборвалась, а современные ценности противоречат традиционным, то следует ли отдавать приоритет именно возрождению традиционных ценностей?

2. Должны ли мы перенимать и защищать все духовно-нравственные ценности, свойственные конкретному (современному или историческому) обществу, или же некоторые из них следует отбросить как «неправильные»?

3. Чьи именно традиции нам следует продолжать и защищать: всех жителей Российского государства (независимо от их идентичности) на разных этапах его истории или же традиции, свойственные русскому народу или единой российской нации (с момента их появления)?

4. На традиции какого именно социального слоя нам следует опираться, с учетом того, что обращение к истории зачастую вскрывает ценностный антагонизм элиты и простонародья, причем ценности последнего не всегда хорошо известны?

5. Защите подлежат только те ценности, которые выражают самобытность России и российской нации, или также те, что имеют статус общечеловеческих?

В заключение отметим, что если защита традиционных ценностей призвана обеспечить формирование и актуализацию общенациональной гражданской идентичности, то ответы на указанные вопросы целесообразно искать посредством широких общественных дискуссий, в том числе с участием децентрализованных ценностно мотивированных акторов (Панкевич 2023). Установление же традиционных ценностей президентскими указами как раз и приводит к тому, что все вышеперечисленные вопросы оказываются непроясненными. В результате понятие «традиционные ценности» используется конъюнктурно, зачастую вообще лишь в качестве «пустого знака», а сплачивающий эффект политики защиты традиционных ценностей оказывается ниже, чем мог бы быть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Висханова П.Г. 2017. Гражданское общество в России: особенности становления // Аграрное и земельное право. № 12 (156). С. 50–59.

Гапоненко Л.Б. 2020. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи. Т. 17, № 3 (40). С. 40–53. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10303

Давыборец Е.Н. 2015. Электоральная культура в России: становление, развитие, особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. № 5 (120). С. 56–65.

Живов В.М. 2002. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. Москва : Языки славян. культуры. С. 306–316.

Захарцев С.И. 2015. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. № 2 (15). С. 12–20.

Козлов С. 2007. Проснувшаяся деревня: столыпинские аграрные реформы в Центрально-Нечерноземной России. 1907–1914 гг. // История. № 12. С. 22–28.

Магун В.С. 2023. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. № 12. С. 44–58. DOI 10.31857/S013216250029336-2

Магун В.С., Руднев М.Г. 2021. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя : коллектив. моногр. / под ред. К. Рогова. Москва : Новое лит. обозрение. С. 325–353.

Максименко А.А. и др. 2020. Отношение россиян к коррупции / А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Д.В. Крылова, Л.Н. Духанина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13, вып. 4. С. 407–428. DOI 10.21638/spbu12.2020.404

Панкевич Н.В. 2023. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 47–76. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Томсинов В.А. 2011. Дело о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце (статья четвертая) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 4. С. 16–35.

Фёдоров В.А. 2000. История России 1861–1917. Москва : Высш. шк. 384 с.

Фишман Л.Г. 2023. Соблазн готовых ответов // Россия в глобальной политике. Т. 21, № 2. С. 76–87. DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-2-76-87

Яковенко И.Г. 1999. Цивилизационный анализ, проблема метода // Проблемы исторического познания : материалы Междунар. конф., Москва, 19–21 мая 1996 г. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Москва : Наука. С. 84–92.

Nikolai A. Shaveko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Traditional Russian Values: Problems with Defining and Justifying Their List

Abstract. The concept of traditional values is widely used in Russian public discourse and legislation. However, to ensure that the protection of these values is normatively grounded, it is essential to clarify the concept by addressing several key questions. Without this clarification, traditional values risk being used opportunistically, often serving merely as an “empty signifier”, which diminishes the unifying effect of policies aimed at their protection. It is crucial to determine which tradition – Orthodox patriarchal or Soviet – we are referring to, and whether we seek to protect values from the past or present. Additionally, it is important to distinguish which values are worth preserving and which should be rejected, as every society harbors both values and what could be termed anti-values. Furthermore, we must consider whose spiritual and moral traditions are being protected: those of the Russian nation, or those of the populations of historical states that can be called Russian; the traditions of the elite, or those of the majority. Lastly, if the goal of protecting traditional values is to safeguard certain “civilizational” traits, additional justification is needed to protect values that are not only unique to Russians but also claim to be universal. In conclusion, while the protection of traditional values can be morally justified, it is essential to address complex questions about the nature and representation of these “Russian spiritual and moral values” referenced by political actors and legal documents in order to provide a solid foundation for their protection.

Keywords: traditional values; conservatism; civilization; national identity; Russian worldview

Лишуан Го
Институт марксизма Фуданьского университета,
г. Шанхай, Китай
E-mail: guolishuang812@163.com

Преобразование и реконструкция: традиционные российские ценности и российская модернизация

Аннотация. После распада Советского Союза резкая социальная трансформация потребовала новых духовных ориентиров. В процессе преобразования и реконструкции традиционные российские ценности отвечают на вызовы времени; их теоретическая основа включает автократию, коллективизм, идею спасения и иерархию. Данное исследование выявляет теоретическую и общественно-психологическую базу для модернизационной трансформации России. Автор приходит к выводу, что возрождение неоконсерватизма и неоевразийства в их взаимосвязи формирует будущее направление современной трансформации традиционных российских ценностей.

Ключевые слова: традиционные ценности, модернизация, православие, нравственность, неоконсерватизм

Необходимость преобразования традиционных российских ценностей. После распада Советского Союза, с утратой марксистскими ценностями доминирующего положения и быстрым упадком западных политических и ценностных концепций, возрождаются традиционные ценности, основанные на православной этике. Они играют незаменимую роль важного духовного источника в различных сферах государственной и общественной жизни России, превосходящего религиозные границы. Однако ядро православной этики вступает в противоречие и конфликты с современными концепциями, что препятствует процессу модернизации России.

Во-первых, с точки зрения социальных ценностей, после распада Советского Союза российский народ, столкнувшись с серьезными страданиями, выбрал возврат к православным ценностям как способ спасения от морального хаоса и кризиса

веры в России. Православная этика содержит в себе приоритет духовного над материальным, гуманизм, патриотизм и другие духовные ядра традиционной русской культуры, что сыграло важную роль в первоначальном восстановлении социальных ценностей в России. Однако эти идеи вступили в конфликт с современными культурными ценностями, рыночной экономикой и демократическими политическими идеями, оказав негативное влияние на экономическое развитие. Православная этика акцентирует внимание на чистоте души, склонности к аскетизму, неразделимости духовной и светской морали, а также на нереалистичности, иррациональных религиозных эстетических идеалах и апокалиптических стремлениях, что определяет ее отличие от западного христианства. В отличие от католицизма и протестантизма, она не обладает практичностью и светскостью в повседневной жизни, более склонна к трансцендентным ценностям, пренебрегает и недооценивает стремление к материальным ценностям и практической деятельности в реальной жизни, протivoстоит рациональному мышлению и отвергает этику самоконтроля, почитаемую на Западе. Очевидно, что эти духовные особенности православной этики и ее ценности вступают в резкое внутреннее противоречие с сущностью «духа капитализма», который, согласно Максиму Веберу, основан на концепции призвания и строгих рациональных расчетах, стремящихся к материальному богатству как к инструменту достижения личных ценностных целей. В связи с этим российский процесс модернизации остро нуждается в более прагматичной социальной ценностной системе для создания культурной среды, обеспечивающей эффективное функционирование демократической политики и рыночной экономики.

Во-вторых, с точки зрения экономического развития, православие среди трех основных ветвей христианства является наименее склонным к переменам и более приверженным древним догмам. В истории христианства католицизм и протестантизм не раз обновляли и развивали древние христианские каноны и догматы, в то время как православие никогда не затрагивало вопросы реформ в учении и догматике. В отличие от протестантизма и католицизма, православная экономическая этика обладает особенностями, которые менее способствуют экономическому развитию. Прежде всего, православная эти-

ка сосредотачивается на духовных стремлениях к монашеству и пренебрегает вопросами реальной жизни, поэтому ей недостает практичности и реалистичности в решении насущных задач. Кроме того, православная этика не различает монашескую и светскую мораль, и все верующие направляют свои устремления к монашескому идеалу, что сильно влияет на отношение мирян к экономической деятельности, лишая ее религиозного оправдания и приводя к смешению понятий бедности и праведности. В то же время католицизм всегда четко разграничивает монашескую и светскую этику, а бедность не соответствует стандартам протестантской этики, где богатство считается признаком божественной милости к верующему. Более того, в отношении к научным знаниям православная этика ярко выражает тенденцию противостояния науке, тогда как католическая церковь уже в I веке утвердила правило уважения к научным знаниям, а протестантизм тесно связан с грамотностью и освоением новых технологий. Очевидно, что уважение к знаниям и науке в католицизме и протестантизме сыграло значительную роль в ускорении экономического развития. Таким образом, православная этика в целом не соответствует актуальным потребностям модернизационной трансформации России.

В-третьих, что касается национальной политики, православие, будучи духовной опорой России, сыграло важную роль в создании и укреплении централизованного российского государства. Тем не менее, на фоне изменений в истории российского государства и православной церкви, Патриарх всея Руси Кирилл в 2009 г. вновь обратился к идее «симфонии» – традиционной модели «гармоничного взаимодействия государства и церкви». Во-первых, эта концепция переворачивает отношения между государством и церковью, подчеркивая духовный приоритет церкви перед государством, что представляет собой своего рода реакцию на демократию. Во-вторых, идеал «симфонии» Кирилла не соответствует исторической реальности и современному понятию о государственности в России: в условиях, когда отделение церкви от государства является необратимой тенденцией в современном мире, Россия не может откатиться назад к традиционной теократии; модернизация страны будет успешнее развиваться только в рамках правового демократического государства. В-третьих, «симфония» Кирилла

носит имперский характер: полное слияние и взаимодействие государства и церкви по византийскому образцу не является оптимальным способом решения вопросов взаимоотношения церкви и государства и не соответствует поступательному движению истории.

Теоретическое ядро традиционных российских ценностей. Традиционные российские ценности были пронесены через превратности истории, в основном они формировались и функционировали в границах консервативного мышления.

Во-первых, основой традиционной российской теории ценностей выступают автократия и патернализм. Православная религиозно-политическая доктрина власти как теократии наделяла российский абсолютизм ореолом святости, обосновывая это тем, что в его системе монарх от имени государства несет прямую ответственность непосредственно перед Богом и является орудием Божьего промысла в светском мире, источником порядка, морали и веры. Даже перед лицом краха российской монархии в начале XX в. консерваторы все еще продолжали возлагать свои надежды на появление «сильного человека», пусть и извне системы.

Во-вторых, основным содержанием традиционных российских ценностей является коллективизм. Российский коллективизм тесно связан с уникальной системой сельской общины и православным духом «соборности». Духовная «соборность» православия координирует автономию сельской общины, государственную власть и права личности, способствуя формированию российского коллективизма и его внутренней интеграции в «русский дух».

В-третьих, идея спасения является корнем имперской идеи в традиционных российских ценностях. Специфическая для российского духовного сознания идея спасения в православии и концепция «Москва – Третий Рим» являются основой антизападной модели и имперских устремлений. Эти идеи определяют русских как единственных избранных Богом, призванных спасти весь мир, продолжая божественную миссию на земле, что наделяет Россию духовным и моральным превосходством по отношению к западному миру.

В-четвертых, иерархия является основным принципом стабильности традиционных российских ценностей. Иерархи-

ческая система предполагает, что люди разного уровня несут разные социальные обязанности, получают разный социальный статус и вознаграждение. Это важная гарантия сохранения консервативной монархии и устойчивого общественного порядка. Строгая иерархия используется консерваторами для поддержания консервативной власти и стабильности социального порядка.

В заключение отметим, что перед лицом вызванных влиянием либеральной идеологии социальных преобразований традиционные ценности, которые стремится сохранить российский консерватизм, включают в себя автократию и патернализм, коллективизм, идею спасения и иерархию. Эти ценности становятся основой для создания уникальной цивилизационной парадигмы и развития собственного пути, противостоящего разрушительному воздействию вестернизации на Россию. В спектре политического консерватизма ценности, которые защищает российский консерватизм, находятся в противоречии с классической парадигмой западного консерватизма. Тем не менее, цели у них схожи – достижение политических эффектов, таких как мощный контроль и упорядоченная свобода, реальное ограничение и рациональные границы элитизации политической демократии. Это направление соответствует возрождению и развитию российского консерватизма после распада Советского Союза и определяет цели, к которым стремится Россия в процессе модернизации своих традиционных ценностей.

Реконструкция традиционных российских ценностей. На протяжении более тридцати лет традиционные российские ценности проявлялись во взаимодействии с социальной трансформацией в виде различных философских направлений. Эти направления, следуя своим собственным логическим путям, исследуют пути реализации современной трансформации традиционных российских ценностей. В настоящее время, когда Россия вновь находится на перепутье социальных изменений, возрождение неоконсерватизма в сочетании с новой евразийской идеологии формирует будущее направление модернизации традиционных российских ценностей, основная цель которой заключается в переосмыслении российской цивилизации и позиции государства.

После распада Советского Союза возвращение «русской мысли», возрождение православия и подъем консерватизма взаимно проникают друг в друга в сфере общественных ценностей, религиозной веры и политической практики, что постепенно приводит к воссозданию традиционного русского консерватизма и формированию неоконсерватизма, или так называемого современного консерватизма. С одной стороны, неоконсерватизм уделяет больше внимания восприятию новых элементов современной цивилизации и разумных положений других течений. С середины 1990-х гг. до настоящего времени неоконсерватизм сосуществует с новыми православными идеями, патриотизмом, неомарксизмом и другими течениями, особенно впитывая элементы нового православного сознания, неоевразийства и национализма, которые связаны с традиционными российскими ценностями, стремясь сочетать традицию и современность в стремлении к обновлению основ российских ценностей. С другой стороны, неоконсерватизм не только активно исследует философские теории и переосмысление ценностей, но и реализует себя в политических кампаниях и деятельности политических партий. В эпоху глобализации самой важной миссией неоконсерватизма является формирование философской методологии, направленной на переосмысление подходов к новому мировому порядку.

В то же время за распадом Советского Союза и повторным открытием культурного наследия русской эмиграции, философия евразийства была возрождена в современной России и, в условиях резкой социальной трансформации, породила новое евразийство, оказывая прямое влияние на социальную мысль, политику и международные отношения России. Евразийство, основываясь на геополитике и этнологии, стремится решить проблему неопределенности в определении цивилизационной идентичности России через теорию евразийской цивилизации. На основе глубокого философского обоснования оно выдвигает концепцию реконструкции российской цивилизации и нового мирового порядка, исследуя вопросы о типе российской цивилизации, путях развития России и ее роли в мировом порядке и идентичности. Стремясь раскрыть философский код России, евразийство старается создать ценностную основу для евразийского сообщества и освободить Россию

от многовекового противостояния «славянофилов» и «западников» в бесконечном споре о западной и восточной цивилизациях. Евразийство также раскрывает единство различных цивилизаций в мировом историческом процессе и диалектическую взаимозависимость Востока и Запада, подтверждая уникальность российско-евразийской цивилизации как одного из полюсов многополярного цивилизационного мира. Эта уникальность представляет собой альтернативный проект глобализации и не-западной модели модернизации, основанной на историко-культурных и этических ценностях. В конечном итоге евразийство стремится переосмыслить развитие России и утвердить новый мировой порядок, противостоя западному цивилизационному превосходству, либеральной идеологии и старому мировому политическому порядку, возглавляемому США и Европой.

На основе вышеприведенного исследования современная реконструкция традиционных российских ценностей проявляется следующим образом: с одной стороны, через сопряжение неоконсерватизма и неоевразийства формируется уникальная евразийская идентичность, служащая теоретической и светской основой для воссоздания «Новой России» и использующая многополярный подход для противостояния превосходству западной цивилизации; с другой стороны, на основе синтеза православной этики и философии неоконсерватизма в новом культурном, философском и политическом контексте сознательно усиливаются историческая преемственность российской цивилизации, уникальность евразийской идентичности, духовное первенство православия, коллективизм, патриотизм и другие традиционные ценности. Это направлено на реконструкцию российского «духовного мира» и поиск альтернативы западным ценностям, таким как свобода, демократия и права человека, для противостояния международному старому порядку и выполнения исторической и политической миссии по формированию нового мирового порядка.

Несмотря на то, что в настоящее время в России еще не сложилась весомая и системная новая ценностная модель, впоследствии непременно будет сформирована новая система ценностей, зарождаемая в традиции, но отличная от нее.

Lishuang Guo

School of Marxism, Fudan University, Shanghai, China. E-mail: guolishuang812@163.com

Transformation and Reconstruction: Traditional Russian Values and Russian Modernization

Abstract. This paper aims to outline a theoretical and socio-psychological foundation behind Russia's modernization. Following the dissolution of the Soviet Union, the rapid pace of social transformation created a need for new spiritual guidelines. In this process of change and reconstruction, traditional Russian values emerged in response to contemporary challenges, with their theoretical roots grounded in autocracy, collectivism, the idea of salvation, and hierarchy. The paper argues that the revival of neoconservatism and neo-Eurasianism, through their interconnectedness, will shape the future trajectory of Russia's transformation, influencing the role of traditional values in modern society.

Keywords: traditional values; modernization; Orthodoxy; morality; neoconservatism